

О ВРЕМЕНИ ПЕРВОГО АКТИВНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ САРМАТОВ В ПОДНЕПРОВЬЕ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ АНТИЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Свидетельства античных авторов, используемые в настоящей статье, были собраны и переведены В. В. Латышевым в 1890—1906 гг. и проанализированы М. И. Ростовцевым в 1925 г. Однако до сих пор в археологической литературе широко распространены представления о хронологических и территориальных границах, а также взаимоотношениях наиболее крупных и устойчивых объединений кочевников, которые не находят достаточной опоры в сообщениях античных писателей. В частности, нуждаются в уточнении точки зрения, касающиеся времени, места и обстоятельств появления на «международной арене» сарматов.

Цель работы — дать несколько карт, которые отражали бы изменения в представлениях античных писателей об этногеографии европейских степей в VII—начале II в. до н. э. Насколько эти изменения отражают реальные передвижения тех или других объединений кочевников в полной мере можно будет судить лишь после сопоставления этих карт с картами археологическими, антропологическими и лингвистическими.

Автор статьи старался не перегружать ее ссылками на литературу, ограничившись лишь необходимыми и уделив внимание в основном самим источникам.

1. СКИФЫ, ИССЕДОНЫ И САВРОМАТЫ (VIII—V вв. до н. э.)

В целом ряде обобщающих работ, написанных археологами и касающихся древнейшей истории скифов¹, проводится мысль, что скифы с момента их появления

в европейских степях (не позднее начала VII в. до н. э.) занимали лишь область к западу от Дона, т. е. ту же территорию, на которой позже помещает скифов Геродот, повествуя о событиях конца VI—середины V в. до н. э.² Степи между Доном и Кавказом обычно не включают в состав собственно «скифских» земель, предполагая, что эту область скифы только проходили во время походов в Закавказье, причем лишь отдельные их группы могли ненадолго задерживаться в предкавказских степях³.

На картах, отражающих древнейший период в истории европейских скифов, с начала VII в. до н. э., к востоку от них, за Доном обычно помещают савроматов⁴. Б. Н. Граков связывает с савроматами не только археологические памятники Подонья — Поволжья, что находит известное основание в письменных свидетельствах, но и памятники приуральских степей⁵,

стоящей работе называются те группировки кочевников, которые входили в состав объединения, сложившегося в европейских степях в результате вторжения, не позднее рубежа VIII—VII вв. до н. э., некоей сильной орды (видимо, «царских скифов» Геродота), занявшей здесь господствующее положение. Различные группы земледельческого населения, также входившие в состав скифского объединения, в этой статье не рассматриваются.

² Е. И. Крупнов. Древняя история северного Кавказа. М., 1960, карта на стр. 71; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, карты на стр. 373, 375; М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов в собрании Эрмитажа. Прага—Ленинград, 1966, стр. 10; А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 47.

³ Е. И. Крупнов, ук. соч., стр. 387, 389, карта на стр. 71; М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 10, 13, 14.

⁴ Е. И. Крупнов, ук. соч., карта на стр. 71; А. П. Смирнов, ук. соч., карта на стр. 50.

⁵ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 103.

¹ Сложный и многозначный термин «скифы» употребляется в условном значении. «Скифами» в на-

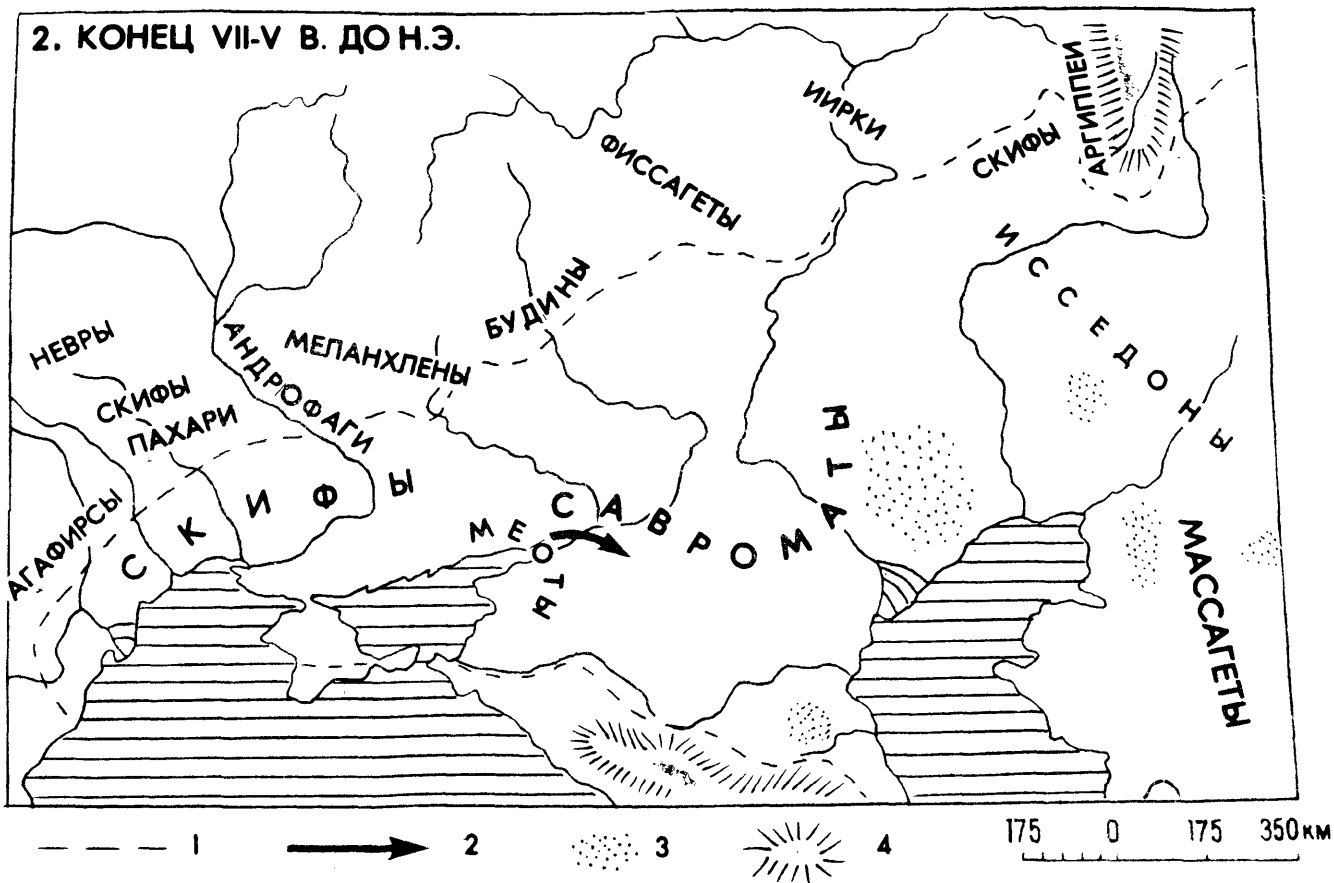
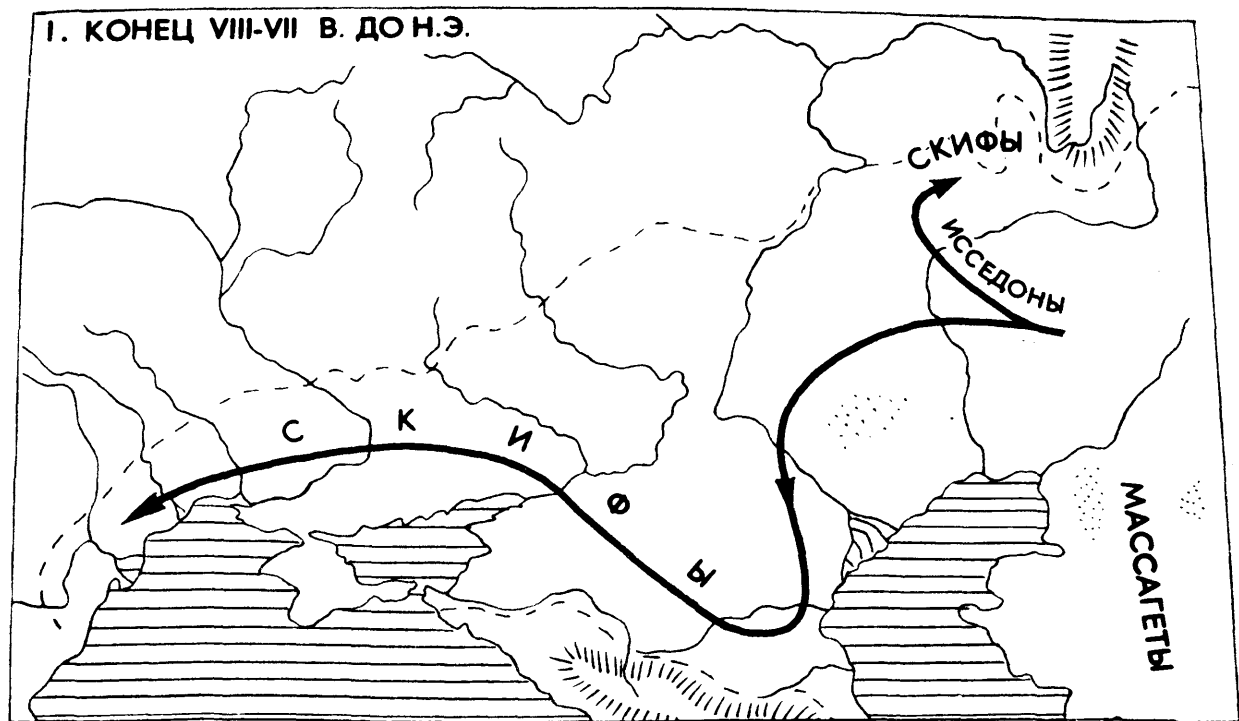

Рис. 1. Схематические карты размещения крупнейших объединений кочевников в восточноевропейских степях в VII—V вв. до н. э. по данным античных письменных источников.
 1 — примерная граница между лесной и лесостепной зонами и зонами степей и пустынь; 2 — направление перемещения крупнейших объединений кочевников и соседних с ними оседлых и полuosедлых «народов», стрелка по направлению их перемещения; 3 — пески; 4 — горы.

где античные авторы савроматов никогда не помещали. К. Ф. Смирнов в обобщающей монографии обосновывает это расширенное, «археологическое» понимание термина савроматы. Он считает, что савроматами можно называть все население, жившее с VIII—VII — по IV в. до н. э. на территории от Подонья до зауральских степей⁶ и аргументирует это тем, что «иногое общего названия для восточных соседей скифов античная литературная традиция не знала вплоть до III—II вв. до н. э.»⁷.

Однако изложенные выше представления современных исследователей об этногеографии Европы в VII в. до н. э. не вполне соответствуют тем сведениям, которые сообщают греческие писатели о размещении скифов и их соседей в конце VIII — начале VI в. до н. э.

Наиболее связный рассказ о древнейшем периоде пребывания скифов в Европе дает Диодор Сицилийский (I в. до н. э.). Этот сравнительно поздний историк сохранил для нас бесценные сведения о ранней истории Боспорского царства, поэтому к его сообщениям о древнейшей истории скифов следует отнестись со вниманием. М. И. Ростовцев предполагал, что сообщения Диодора могут восходить к гораздо более ранним источникам, полученным еще ионийскими писателями при первом основательном знакомстве со скифами в конце VII—V в. до н. э. Приводимые ниже выдержки из сочинения Диодора позволяют представить основные этапы древнейшей истории скифов.

«Сначала они (скифы.— Д. М.) в очень незначительном количестве жили у реки Аракса и были презираемы за свое бесславление; но еще в древности, под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну *в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса...* В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью... Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся воинственностью и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекою Танаисом до Фракии и, направив

военные действия в другую сторону, расширили свое владычество до египетской реки Нила... Этими царями были переселены и многие... покоренные племена, а самых важных выселений было два: одно из Ассирии в землю между Пафлагонией и Понтом, другое из Мидии, основавшееся у реки Танаиса; эти переселенцы назывались савроматами.» (Диодор, Историческая библиотека, II, 43; SC, I, 458—459).

Из приведенного текста следует, что, завоевав сначала область между Танаисом, Меотидой и Кавказом, скифы затем проникли на земли к западу от Танаиса и к югу от Кавказа; поэтому естественно предположить, что на земли между Меотидой и Кавказом они продвинулись с северо-востока, из заволжских и закаспийских степей. О подобном же движении скифов (скорее всего, только скифов царских) с востока говорят и многие сообщения Геродота (Геродот, История, I, 103—104; IV, 11—13, 22—23). Какую реку Диодор называл Араксом, — сказать трудно. Скорее всего это тот же Аракс, на котором, по представлениям Геродота, жили массагеты, вытеснившие скифов из Азии (Геродот, История, I, 201—202, 216; IV, 11), т. е. Аму-Дарья. Время появления скифов в предкавказских степях может быть определено очень приблизительно. Ассирийские источники впервые упоминают скифов («шкуда») в Передней Азии в 70-х гг. VII в. до н. э. Следовательно, к северу от Кавказа они, по Диодору, должны были появиться еще раньше. Враждебные отношения скифов с киммерийцами не вызывают сомнений, т. к. в Передней Азии они отмечены Страбоном (География, I, 3, 21), а в Северном Причерноморье — Аристеем (Геродот, История, IV, 13) и, возможно, какими-то другими источниками, использованными Геродотом (Геродот, История, I, 103—104; IV, 12), а также отражены в устной легенде, бытовавшей у населения Северного Причерноморья (Геродот, История, IV, 11). Поэтому представляется весьма вероятным, что именно в результате натиска скифов киммерийцы были вытеснены из европейских степей на юг в Азию. По данным ассирийских источников, киммерийцы находились в Азии уже около 722—715 гг. до н. э., и поэтому явление скифов в предкавказских степях относится не позднее, чем к последней четверти VIII в. до н. э. Завоев скифами

⁶ Д. Ф. Смирнов, ук. соч., стр. 4, 191—197, стр. 293, 373, 375.
⁷ стр. 194.

мель к западу от Танаиса отнесен Диодором ко времени непосредственно перед их походом на юг, в Азию. В Азии скифы, по ассирийским источникам, зафиксированы дважды — сначала в 70-х гг. VII в. до н. э., а затем несколько позднее. Античной традицией был лучше известен более поздний период военных предприятий скифов в Азии, связанный с именем вождя Мадия (Геродот, История, I, 103—104; Страбон, География, I, 3, 21), поэтому, вероятно, именно этот период имеет в виду и Диодор. По хронологии И. М. Дьяконова, вторичное выступление скифов в Азии падает на 653—625 гг. до н. э.⁸, хотя в последнее время его обычно относят к 623—594 гг. до н. э.⁹ Таким образом, завоевание земель за Танаисом, описанное Диодором, следует датировать первой половиной VII в. до н. э. или, скорее, серединой VII в. до н. э.

Диодор почти ничего не сообщает о скифах VI—V вв. до н. э., после похода в Азию, и дальнейшая их история лучше прослеживается по тем сведениям, которые содержатся в труде Геродота. Последнее событие ранней истории скифов по Диодору — переселение ими из Мидии на Танаис какого-то объединения, называвшегося савроматами. Это событие может быть приурочено к уходу скифов из Азии обратно на север (Геродот, История, I, 106; IV, 3), произошедшему после борьбы скифов с мидянами и, в таком случае, датируется концом VII в. до н. э. или скорее, началом VI в. до н. э. После возвращения из Азии несколько ослабленные «царские скифы», судя по легенде, записанной Геродотом (Геродот, История, I, 1—3) с боями прорываются в северо-причерноморские степи и занимают степную область к западу от Танаиса, уступив более восточные земли союзникам-савроматам (Геродот, История, IV, 21, 102, 110—128).

Нужно подчеркнуть, что, по Диодору, древнейшей областью занятой скифами в Европе, были степи между Танаисом, Меотидой и Кавказом. Да и позднее, во время похода за Танаис и за Кавказский хребет, эти земли, возможно, оставались во владении скифов. При этом Диодор не одинок в утверждении, что предкавказские степи входили в состав основных владений

скифов на раннем этапе их истории. Эсхил (ок. 525—456 гг. до н. э.), писавший еще до поездки Геродота в Ольвию, помещает скифов не к западу от Танаиса, а «вокруг Меотийского озера» (Эсхил, Прикованный Прометей, 427—440; SC, I, стр. 333), т. е. там, где позднее Геродот, Еврипид и Псевдо-Гиппократ помещают савроматов. Возможно, отражением этой древнейшей этнокарты являются сообщения Ксенофонта (около 434—355 гг. до н. э.): «в Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны» (SC, I, стр. 358) и Гелланика (V в. до н. э.): «когда проплывешь Боспор — синды, а выше их — меоты скифы» (SC, I, стр. 436). Да и сообщения самого Геродота о древнейших событиях истории скифов заставляют предполагать, что они прочно владели степями северного Предкавказья. Так, Геродот говорит, что скифы, придя в Европу, заняли территорию киммерийцев (Геродот, История, IV, 11). Исходя из сообщений самого Геродота о «киммерийской топонимике» (Геродот, История, IV, 11, 12), и об отступлении киммерийцев на юг вдоль восточного берега Понта (Геродот, История, I, 103—104), можно считать, что в состав владений киммерийцев, а следовательно, и скифов безусловно входило северо-западное Предкавказье, где их помещали, опираясь на древнюю традицию, и более поздние авторы (Никифор Блеммид, Сокращенная география, 650—705; SC, I, 292). Описанный Геродотом поход скифов на юг через Дербент также заставляет предполагать, что они в VII в. до н. э. господствовали в предкавказских степях.

В этой же связи особенно интересно свидетельство Геродота об исседонах, повторенное им многократно в ряде близких по содержанию отрывков со ссылкой на Аристия из Проконнесса. С этим именем связывалась поэма «Аримаспея», написанная либо около рубежа VII—VI вв. до н. э., либо еще ранее¹⁰. В ней, в частности, сообщалось, что где-то на севере Европы¹¹ живут длинноволосые исседоны, за ними одноглазые аримасы, борющиеся за золото с грифами, а выше их — гиперборейцы. Аристий также утверждает, что аримасы

⁸ И. М. Дьяконов. История Мидии. М., 1956, стр. 232, 288, 289.

⁹ М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 12, 13.

¹⁰ Л. А. Ельницкий. Знания древних стран. М., 1961, стр. 37.

¹¹ Границей Европы и Азии, по Аристеевскому преданию, являлся Фасис (Геродот, История, IV, 41).

потеснили исседонов, исседоны — скифов, а скифы, в свою очередь, — киммерийцев (Геродот, История, III, 116; IV, 13, 16, 27). Если отбросить некоторые фантастические подробности, то следует признать, что Аристей рисует довольно правдоподобную картину движения жителей степей с востока на запад, имеющую многочисленные аналогии в более поздних периодах истории кочевого мира. Ясно, что, по представлениям Аристея, в момент появления скифов в европейских степях, ближайшими и непосредственными соседями их на востоке были не савроматы, а исседоны.

О том, что подобное соседство скифов с исседонами действительно имело место в течение некоторого времени, свидетельствует и Павсаний, явно использующий очень ранний источник, видимо, того же Аристея. Он сообщает: «В Прасиях есть храм Аполлона; сюда приносят, говорят, начатки от гипербореев; гиперборей передают их аримаспам, аримаспы — исседонам, от них скифы привозят их в Синопу, отсюда они несутся эллинами в Прасии...» (Павсаний, Описание Эллады, I, 31, 2; SC, I, 571). Важно отметить, что непосредственные контакты скифов с Синопой могли иметь место не позднее самого начала VI в. до н. э., что в какой-то мере определяет время, когда этот «международный путь» мог быть реальностью. Еще определеннее рисует древнейшую карту размещения северных народов Дамаст (около рубежа V—IV вв. до н. э. или несколько ранее), продолжавший, по М. И. Ростовцеву, очень древнюю традицию сведений ионийских греков о народах, живших, в основном, к востоку и северо-востоку от Черного моря. Стефан Византийский пишет: «Дамаст в сочинении «О народах» говорит, что выше скифов живут исседоны, еще выше этих — аримаспы, за аримаспами находятся Рипейские горы, а за этими горами живут гиперборей» (SC, I, 350). Полулегендарные «Рипейские горы», находившиеся, по мнению греков, где-то на севере Европы, с достаточным основанием могут быть сопоставлены с Уральским хребтом, рядом с которым и Геродот, говоря о времени около середины V в. до н. э., помещает аргиппеев, исседонов и аримаспов (Геродот, История, IV, 16—27).

Таким образом, на этой древнейшей этнокарте европейских степей, отраженной у Геродота, Дамаста и Павсания, восходя-

щей к Аристейю из Проконнеса, и, возможно, к какому-то еще более древнему источнику, данные которого Аристей использовал уже в полуфантастической обработке для своей поэмы, на карте, где савроматы еще не отмечены, исседоны отчетливо помещены к северо-востоку от скифов и юго-западу от южной части Уральских гор, т. е. в степях по течению реки Урал, а также, возможно, и на левобережье Волги в районе Самарской луки. Что касается западной границы исседонов, то и на этот счет у Геродота имеются некоторые указания. Из описания знаменитого пути от берегов Меотиды к Рипейским горам (т. е. в Приуралье) явствует, что где-то в северной части заволжских степей и лесостепи, западнее Урала жили скифы, отколовшиеся от скифов царских (Геродот, История, IV, 21—27), а неподалеку от них жили и исседоны. Такой «откол» вероятнее всего мог произойти в результате борьбы скифов с исседонами в то время, когда последние в своем движении на запад (Геродот, История, IV, 13) как бы «разрезали» скифскую орду надвое. В таком случае западная граница исседонов в VIII—VII вв. до н. э. должна была проходить где-то в районе Самарской луки.

К какому времени и какой исторической ситуации можно приурочить эту этнокарту? Думается, что без каких-либо натяжек, ее можно отнести к древнейшему периоду истории скифов в Европе, который, как было показано выше, отражен лучше всего в последовательном рассказе Диодора, а также в отдельных отрывках из произведений Эсхила, Гелланика и Геродота. Этот период охватывает время от первого появления предков «царских скифов» в Европе до возвращения их из похода в Закавказье и Переднюю Азию, и датируется концом VIII (или ранее) — началом VI в. до н. э. Соседство скифов с исседонами становится понятным и естественным, если вслед за Диодором принять, что на раннем этапе своей истории скифы владели степями между Доном и Кавказом¹². На востоке их владения

¹² Тесную связь скифов с Северным Кавказом, на раннем этапе истории, признавали и подчеркивали такие исследователи, как М. И. Ростовцев (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925, стр. 21, 22) и А. А. Иессен (А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на северном Кавказе. Сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 130, 131, рис. 16, 17).

должны были достигать Волги и Каспия и граничить с землями исседонов.

Сведения Дамаста, Павсания и Геродота о соседстве скифов с исседонами и о размещении исседонов в VII в. до н. э. юго-западнее Урала могут все же ставиться под сомнение, так как сама личность Аристея, к которому восходят эти сведения, является полуполюгендарной, да и отождествление Урала с Рипейскими горами для столь раннего времени не является бесспорным. Однако локализация исседонов, восходящая к Аристею, находит подтверждение в источниках, отражающих историческую реальность более позднего времени.

Среди этих источников в первую очередь следует назвать сообщение Геродота о том, что массагеты живут «за рекой Араксом, напротив исседонов» (Геродот, История, I, 201; SC, I, стр. 5, 6) и что они же «занимают значительную часть огромной равнины», примыкающей с востока к Каспийскому морю (Геродот, История, I, 204; SC, I, стр. 7). Как убедительно доказал И. В. Пьянков, Араксом в данном отрывке названа Аму-Дарья; причем, той частью реки, за которой жили массагеты, мог быть только Узбой — ныне пересохшее древнее русло Аму-Дарьи¹³. Таким образом, к этому времени массагеты размещались в пустынных областях к северу от Узбоя и к востоку от Каспия до Аральского моря. Восточнее в низовьях рукавов Аму-Дарьи, которые «теряются в болотах» (Геродот, История, I, 202; SC, I, стр. 6) при впадении в Аральское море, жили не массагеты, а совсем иное по образу жизни население; далее на восток простирались пески Кызыл-Кумов, а на землях за Сыр-Дарьей жили многочисленные саки, и в частности саки амиргийские¹⁴. Если учесть эти обстоятельства, то станет ясно, что исседоны могли соседствовать с массагетами только занимая территорию, лежащую на север от Аральского и Каспийского морей и примыкающую с юго-запада, юга и юго-востока к южным отрогам Уральского хребта.

Сообщения Геродота о массагетах и исседонах восходят, вероятно, к сведениям,

полученным во время похода Кира II против массагетов в 530 г. до н. э., и отражают действительное размещение «народов» в третьей четверти VI в. до н. э.¹⁵.

Еще в одном сообщении Геродота об исседонах говорится, что они жили по соседству с аргиппеями, т. е. рядом с конечным пунктом знаменитого скифского пути в Приуралье. Локализация всех этапов этого пути требует отдельного исследования, однако необходимо вкратце показать, что карта этого пути, составленная по «Геродоту», совпадает с современной картой местности, расположенной между Доном и Уралом.

Путь на север от «угла Меотиды» приводит в лесистую область будинов (лесные массивы и лесостепь в окрестностях современного Воронежа), затем сворачивает на северо-восток через «пустыню». Так как Геродот степь обычно называет пустыней (Геродот, История, IV, 18, 23; SC, I, стр. 16—17; сравните: Псевдо-Гиппократ «О воздухе...», 25; SC, I, стр. 60), то и эту пустыню скорее всего можно отождествить с тамбовской степью, лежащей к северо-востоку от Воронежа¹⁶. Далее путь идет на восток и через лесистые земли фиссагетов и ирков, занимающихся охотой, т. е., вероятно, через богатые лесом области, простирающиеся от р. Цны до левобережья Волги, севернее Самарской луки и южнее впадения Камы включительно¹⁷, приводит в земли скифов, отколовшихся от скифов царских. Весь путь до этой области расположен на равнине, «а начиная отсюда земля становится камениста и неровна» (Геродот, История, IV, 23). Действительно, до этих мест путь пролегал по равнине и невысоким северным отрогам Приволжской возвышенности (немногим выше 200 м), а «каменистая и неровная» страна скифов легко увязывается с западными отрогами Урала — Белебеевско-Бугульминской возвышенностью (высочайшая точка в верховьях р. Демы — 481 м), в восточной части которой находится область со щебнистыми почвами¹⁸. Естест-

¹⁵ И. В. Пьянков. К вопросу о маршруте похода...; Л. А. Ельницкий, ук. соч., стр. 38.

¹⁶ Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза. М., 1947, стр. 362—366.

¹⁷ А. П. Смирнов, ук. соч. дана карта, близкая к нашей.

¹⁸ В. В. Добровольский. География почв с основами почвоведения. М., 1968. См. карту почв СССР.

¹³ И. В. Пьянков. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. ВДИ, 1964, 3, стр. 115—116.

И. В. Пьянков. Саки (содержание понятия). Известия АН ТаджССР, отд. обществ. наук, 1968, стр. 12—19.

венно предположить, что скифы-«отщепенцы» живут, как и их причерноморские собратья, не в лесу, а в степи и лесостепи. И действительно, именно около Бугульминской возвышенности степь и лесостепь заходят далеко на север и оказываются прямо на линии, ведущей на восток от Цны и верховьев Дона. Если пройти «значительное пространство» этой страны, то оказывается, что «у подножья высоких гор», которые можно идентифицировать лишь с Уральскими горами, обитают, видимо, в лесостепной области, некие аргиппей (Геродот, История, IV, 23—26)¹⁹. Аргиппей, по Геродоту, употребляют в пищу плоды, которые исследователи склонны считать дикорастущей вишней, распространенной в степях, а в зоне леса встречающейся именно в юго-западном Приуралье. Описывая аргиппеев, Геродот указывает на отсутствие у них волос, на их вздернутые носы и большие челюсти, в чем многие исследователи видят утрированные признаки населения монголоидного типа²⁰. Любопытно отметить, что население, зафиксированное в юго-западном Приуралье (по р. Белой и севернее) археологически и оставившее известную ананьинскую культуру, было по своему антропологическому типу метисным, монголоидо-европеоидным.

За землями, на которых жили аргиппей (видимо, бассейн среднего и нижнего течения р. Белой), возвышались Уральские горы достаточно внушительные в этих местах (гора Ямантау — 1640 м), в которых, по рассказам аргиппеев, жили «козлоногие люди». Рядом с аргиппеями живут и исседоны. Однако локализовать их трудно: исседоны помещены к востоку от аргиппеев, тогда как непроходимые горы, судя по контексту, находятся к северу от аргиппеев (Геродот, История, IV, 25—27). Геродот, видимо, отдал дань распространенному в его время представлению, что на севере Европы в широтном направлении тянутся высокие Рипейские горы²¹. Однако известно, что высокие горы (Урал) находились лишь к востоку от аргиппеев, а исседоны жить в горах постоянно не могли,

так как были, судя по всему, степняками, к тому же и сами аргиппей в горах знали других, «козлоногих» жителей. Исседоны соседствовали с аргиппеями, вероятно, лишь на границе степной зоны и лесостепных западных предгорий Урала. Таким образом, на основании свидетельства, относящегося к середине V в. до н. э., исседонов следует помещать к югу и юго-западу от Уральского хребта, в бассейне р. Урала, где К. Ф. Смирнов размещает восточную группу своих «савроматов».

Далее, к северо-востоку в степях между Уралом и Иртышом, богатых месторождениями золота, можно условно локализовать полулегендарных соседей исседонов — занимавшихся добычей золота эриманов (Геродот, История, IV, 27; III, 116).

Путь к скифам от берегов Меотиды в Приуралье, а также к отколовшимся от них соплеменникам-скифам, жившим в северной части Заволжских степей, лежал не прямо через степи, через земли дружественных им савроматов, а был окольным, проходил через территорию ряда народностей лесной зоны. Это обстоятельство говорит о том, что все степи за Волгой в районе Самарской луки и по р. Уралу в V в. до н. э. были заняты каким-то объединением кочевников — скорее всего исседонами, враждебность которых к скифам отметил еще Аристей (Геродот, История, IV, 13).

Таким образом, из изложенного явствует, что античные авторы, повествующие об исседонах в связи с событиями VII—V вв. до н. э., помещают их в степях, лежащих к юго-западу и к югу от южной части Уральского хребта. Восточные границы этого мощного объединения кочевников для этой поры не прослеживаются. Что касается савроматов, то, как было показано выше, по свидетельству Диодора, они появляются в Европе, «у Дона», как самостоятельная сила только после походов скифов в Переднюю Азию, т. е. никак не ранее самого конца VII в. до н. э., а скорее всего на рубеже VII—VI вв. до н. э. Версия Геродота о происхождении савроматов носит легендарный характер, однако, М. И. Ростовцев и другие исследователи полагали, что в основе легенды лежат действительные события. По Геродоту, савроматы произошли от браков молодых скифов с амазонками, причем местом формирования этого объединения кочевников

¹⁹ Из текста Геродота нельзя определенно заключить, являются ли «скифы, отколовшиеся от царских» и аргиппей одной этнической группой или двумя соседними.

²⁰ Д. Томсон. История древней географии. М., 1953, стр. 100.

²¹ Л. А. Ельницкий, ук. соч., стр. 66, 67.

на побережье Меотиды, около торговища Кремны (Геродот, История, IV, 110—117), позднее локализованного Клавдием Птолемеем в центральной части северного побережья Меотиды (Птолемей, Географическое руководство, III, 5, 4). Поскольку при изложении событий древнейшей истории скифов (приход с востока, борьба с киммерийцами, поход в Азию) конца VIII—начала VI в. до н. э. Геродот не упоминает савроматов, а в конце VI в. до н. э. они, судя по скифской легенде о походе Дария (Геродот, История, IV, 122), уже прочно занимали степи восточнее Танаиса, естественно предположить, что их выделение в самостоятельное объединение кочевников произошло в первой половине VI в. до н. э., когда центр скифского объединения уже находился в Северном Причерноморье и Приазовье. Подобная датировка подтверждается и тем, что, по тексту легенды, формирование савроматского объединения произошло около «торговища Кремны» (Геродот, История, IV, 20, 110; SC, I, 17, 43). Торговище Кремны на пустынном северо-западном берегу Меотиды могло возникнуть, скорее всего, в результате контактов греков с местным населением. Проникновение же греков в эту окраинную область ойкумены трудно представить ранее, чем в самом конце VII в. до н. э. Так что, исходя и из этого соображения, формирование савроматского объединения следует относить ко времени не ранее рубежа VII—VI вв. до н. э.

Сообщения Геродота, Диодора и других авторов не позволяют сколько-нибудь точно определить восточную границу территории, занятой савроматами в VI в. до н. э. Однако ясно, что центр этого объединения кочевников лежал сравнительно недалеко от Танаиса, где-то в междуречье Дона и Волги, вероятно, ближе к первому (Геродот, История, IV, 116). Представление Геродота о размерах занятой савроматами территории и об их «военном потенциале», видимо, несколько уступавшим скифскому, позволяет допускать, что они занимали и часть степей, непосредственно прилегающих к левому берегу Волги в нижнем ее течении. Области к востоку и северо-востоку от савроматов занимали, судя по всему, исседоны.

Таким образом, нет никаких оснований отводить всю огромную область вплоть до зауральских степей савроматам и припи-

сывать им какие-либо памятники VIII—VII вв. до н. э., а также вводить новое, расширенное, «археологическое» понимание названия савроматы, отличное от понимания его античными авторами²².

Многие археологи считают доказанным, что границей, разделяющей савроматов и скифов в VI—V вв. до н. э., по свидетельству Геродота, относящемуся к середине V в. до н. э., был Танаис, и что лишь в самом конце V—начале IV в. до н. э., по свидетельству трактата Псевдо-Гиппократы «О воздухе, водах и местностях», написанном на рубеже V—IV вв. до н. э. или в начале IV в. до н. э., савроматы, перейдя Танаис, вторглись в скифские земли, а затем продолжали движение на запад уже под именем сирматов и сарматов²³.

Однако эта концепция не может быть признана вполне убедительной. Во-первых, следует уточнить датировку двух основных источников, на которых она базируется. Труд Геродота, как известно, остался незаконченным и полагают, что Геродот продолжал работу над ним вплоть до смерти, которая последовала где-то около 425 г. до н. э. Что касается времени создания тех частей труда, которые освещают историю Скифии и для написания которых Геродот использовал материал, полученный, видимо, во время его пребывания в Ольвии, то здесь опорным пунктом может служить подробно описанная Геродотом история столкновения скифского царя Октамасада с фракийским царем Ситалком (Геродот, История, IV, 78—80; SC, I, стр. 33—35).

К сожалению, точная дата начала царствования Ситалка неизвестна, однако на основании косвенных соображений специалисты считают, что оно началось или около 450 г. до н. э.²⁴, или около 440 г. до н. э.²⁵, или около 431 г. до н. э.²⁶, а столкновение

²² К. Ф. Смирнов, ук. соч., стр. 4, 191—197, карты на стр. 293, 373, 375.

²³ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 101—103; Он же. Каменское городище..., МИА, 36, 1954, стр. 20, 21; К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, 3, стр. 18; Он же. Савроматы..., стр. 196, 290.

²⁴ Всемирная история, т. II. М., 1956, стр. 14.

²⁵ J. Wiesner, Die Thraker, 1965. Хронологическая таблица на стр. 233; R. Werner, Geschichte des Donau-Schwarzmeerraumes im Altertum, в кн. Abriß der Geschichte Antiker Rand-Kulturen, München 1961, S. 111.

²⁶ St. Casson, Macedonia, Thrace and Illyria, Cambridge, 1926, p. 193—194.

Ситалка с Октамасадом Б. Н. Граков относит к третьей четверти V в. до н. э. (т. е. позднее 450 г. до н. э.)²⁷, И. Виснер — к промежутку времени между 441—437 гг. до н. э.²⁸, Р. Вернер — к 440—432 гг. до н. э.²⁹ Все точно датированные события из жизни Ситалка относятся к 432—424 гг. до н. э.³⁰ В целом можно заключить, что столкновение Ситалка с Октамасадом произошло вероятно в 40—начале 30-х гг. до н. э., и сведения об этом событии Геродот мог получить не ранее этого времени. Многие исследователи считают, что после 447 г. до н. э. Геродот не путешествовал и, следовательно, посетил Скифию ранее 447 г. до н. э. Однако это заключение не базируется ни на одном бесспорном факте и поэтому нельзя исключать возможность посещения Геродотом Ольвии и позже названной даты, в пределах третьей четверти V в. до н. э. (40—30-е гг. V в. до н. э.).

Еще точнее определяется время, когда Геродот обобщил все полученные им из устных и письменных источников сведения и оформил их в виде знаменитого «скифского рассказа» в книге IV своего труда. В ней имеется хорошо известное сравнение Таврического полуострова с Япигией (полуостровом Калабрия) в Италии (Геродот, История, IV, 99; SC, I, стр. 40). С. Я. Лурье справедливо указал, что подобное сравнение могло быть наглядным только для жителей города Фурии в южной Италии, который был основан в 443 г. до н. э. и гражданином которого был Геродот³¹. Следовательно, IV книга Геродота писалась (или, во всяком случае, подвергалась обработке и правке) после 443 г. до н. э. Книга VI, где также изредка встречаются сведения по истории Скифии, была написана видимо не ранее 431—430 гг. до н. э., так как в ней имеется описание событий, произошедших в эти годы³².

Таким образом, можно уточнить встречающееся в литературе несколько неопределенное утверждение, что сведения Геродота о Скифии относятся к середине V в. до н. э. Пребывание Геродота в Скифии относится не ранее чем ко времени около

²⁷ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 16.

²⁸ J. Wiesner, op. cit., S. 233.

²⁹ R. Wegner, op. cit., S. 111.

³⁰ RE, III-A, Sp. 377, 378.

³¹ С. Я. Лурье. Геродот. М.-Л., 1947, стр. 16, 17.

³² Там же, стр. 26, 27.

450 г. до н. э., а возможно, если опираться на принятую ныне хронологию царствования Ситалка, и к 40—30-м гг. V в. до н. э. «Скифский рассказ» Геродота был написан им в третьей четверти V в. до н. э., вероятно, не ранее 443 г. до н. э.

Эти незначительные уточнения оказываются весьма важными при сопоставлении труда Геродота с сочинением Псевдо-Гиппократом, которое многие археологи относят к рубежу V—IV—началу IV в. до н. э. и безоговорочно считают, что в нем отражена более поздняя, чем у Геродота этнокарта Причерноморья. Так, Б. Н. Граков сначала датировал этот трактат концом V—началом IV в. до н. э.³³, а в своих последних крупных работах уже, безусловно, относит его к IV в. до н. э.³⁴ К. Ф. Смирнов в монографии «Савроматы» не высказывался определенно о дате написания трактата, но полагал, что в этом сочинении зафиксирован совершившийся уже после смерти Геродота (т. е. не ранее чем в последней четверти V в. до н. э.) переход савроматов на правый берег Дона³⁵. В более поздней работе К. Ф. Смирнов датирует трактат концом V в. до н. э., но по-прежнему безоговорочно утверждает, что в трактате отражена послегеродотовская этнокарта Северного Причерноморья. Однако подобная точка зрения не вполне соответствует действительности. Датировка трактата Псевдо-Гиппократом концом V—началом IV в. до н. э. восходит, по-видимому к В. В. Латышеву (SC, I, стр. 57), который еще рассматривал трактат как сочинение самого Гиппократом (время жизни — около 460—377/51 гг. до н. э.).

Впоследствии было доказано, что это произведение написано не Гиппократом и М. И. Ростовцев датировал его сначала VI в. до н. э., а позднее, опираясь на ряд специальных работ, относил (как и труд Геродота) к эпохе Перикла (443—429 гг.

³³ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата..., стр. 102.

³⁴ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 20; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. Сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954, стр. 48.

³⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы..., стр. 196, 290. Он же. О начале проникновения сарматов в Причерноморье. Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1967, стр. 47.

трактата использовал источники более раннего времени³⁶. И в настоящее время подобная датировка трактата считается наиболее обоснованной, хотя некоторые исследователи допускают и несколько более позднюю дату — около 410 г. до н. э.³⁷ Д. П. Каллистов называет Псевдо-Гиппократ «современни-

Геродота», т. е. относит его труд к третьей четверти V в. до н. э.³⁸ Б. Н. Граков не занимался специально датировкой этого сочинения Псевдо-Гиппократ и не оспаривал точку зрения М. И. Ростовцева и других историков, однако почему-то вернулся к старой ошибочной датировке трактата В. В. Латышевым, которая допускала, что и начало IV в. до н. э. может быть временем его написания.

Таким образом, произведения Геродота и Псевдо-Гиппократ, содержащие древнейшие сведения о территории, занятой савроматами, являются не разновременными сочинениями, одно из которых относится к середине V в. до н. э., а другое — к концу V — началу IV в. до н. э., а практически одновременными, одно из которых (Геродота) было написано примерно между 443—425 гг. до н. э., а другое (Псевдо-Гиппократ) — около 440—410 гг. до н. э. Даже, если принять, что трактат Псевдо-Гиппократ был написан на одно-два десятилетия позднее «скифского рассказа» Геродота, то все же маловероятно, что за 10—20 лет основная масса савроматов могла бы переместиться из степей восточнее Танаиса в «скифские степи» западнее Танаиса, и что греческий ученый успел бы зафиксировать их здесь как нечто стабильное (Псевдо-Гиппократ ничего не говорит ни о передвижении савроматов, ни о вражде скифов и савроматов, и именует савроматов «скифским народом»). Да и другие источники, как увидим ниже, ничего не знают о подобном передвижении в конце V в. до н. э., отмечая савроматов еще в IV—III вв. до н. э. в степях восточнее Танаиса и Меотиды. В целом есть все основания считать, вслед за М. И. Ростовцевым, что сочинение Псевдо-Гиппократ

было написано практически одновременно с трудом Геродота, а потому и не может привлекаться как источник, дающий более позднюю этнокарту Северного Причерноморья. К тому же и различия в этнокартах Геродота и Псевдо-Гиппократ в большой степени являются мнимыми.

Действительно, если во времена похода Дария и пребывания самого Геродота в Скифии (конец VI — третья четверть V в. до н. э.) савроматы, по Геродоту, жили преимущественно восточнее Танаиса, то в более раннее время (первая половина VI в. до н. э.) они как самостоятельное объединение сформировались, по мнению Геродота, на землях западнее Танаиса (Геродот, История, IV, 110—117), т. е. там, где и помещает их Псевдо-Гиппократ.

В связи с этим уместно вспомнить, что и Диодор помещает древнейших савроматов, появившихся в Европе после походов скифов в Переднюю Азию, «у Танаиса», не уточняя жили ли они западнее или восточнее этой реки (Диодор, Историческая библиотека, II, 43).

Вероятно именно к этой древней традиции, свидетельствующей о возникновении савроматского объединения у Дона и западнее его, к северу от Меотиды, и восходит сообщение Псевдо-Гиппократ: «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его — савроматы» (SC, I, стр. 59). Хотя Псевдо-Гиппократ и сообщает, что савроматы живут вокруг Меотиды, однако он определенно помещает их в «Европе», которая по его представлению отделяется от Азии Меотидой и, следовательно, лежит западнее Дона (SC, I, стр. 57, 59). Подобная локализация савроматов находит близкую аналогию в сообщаемой Геродотом легенде о происхождении савроматов от скифов и амазонок на землях западнее Дона и севернее Азовского моря (Геродот, История, IV, 110—117; SC, I, стр. 43—45). То, что Псевдо-Гиппократ называет савроматов «скифским народом» и настойчиво подчеркивает «амазонские» черты в жизни савроматских женщин (SC, I, стр. 59), также сближает его сообщение с легендой Геродота. Исходя из этого, представляется вполне вероятным, что размещение савроматов на северо-западном берегу Меотиды взято Псевдо-Гиппократом из **источни-**

³⁶ М. И. Ростовцев. Эллины и иранцы на юге России. Пг., 1918, стр. 60; Он же. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. [Л.] 1925, стр. 22.

³⁷ RE, VIII, Sp. 1815—1816; Д. Томсон, ук. соч., стр. 161.

³⁸ Всемирная история, т. II. М., 1956, стр. 148.

того к тому, сведения Геродота, излагая легенду о происхождении савроматов. Возможно, этот неизвестный источник в какой-то степени отражал реальную этнокарту первой половины VI в. до н. э.

Однако нельзя не считаться с тем, что позднее, при жизни Геродота, наряду с традиционной локализацией савроматов, по мнению Геродота, ушедших на восток, в започисленные степи, продолжало, видимо, бытовать старое представление о том, что они живут не только восточнее, но и западнее

В этом отношении особенно интересны свидетельства Еврипида, как известно, показавшего в своих трагедиях достаточную осведомленность об этнографии Северного Причерноморья. В трагедии «Геракл», написанной между 420 и 416 гг. до н. э.³⁹ (т. е. несколькими годами позже смерти Геродота), Еврипид пишет, что Геракл «по волнам Евксинского озера пришел и к конной рати амазонок, живущей вокруг изобильной реками Меотиды» (SC, I, стр. 343), помещая, таким образом, амазонок не только к востоку, но, видимо, и к северу от Меотиды, там же, где, по представлениям Псевдо-Гиппократов, жили савроматы. Поскольку писатели V—IV вв. до н. э. обычно отождествляли или ставили в тесную связь амазонок приазовских степей с савроматами, вполне правомерно привлекать это сообщение для решения вопроса о локализации савроматов.

Не вызывает сомнений, что Геродот, безусловно, был уверен в том, что во время пребывания его самого в Ольвии и во время похода Дария I на скифов, границей между скифами и савроматами являлся Танаис. Но если подробно рассмотреть не общие высказывания Геродота по этнографии Скифии, а ту часть главы IV, где он, ссылаясь непосредственно на сообщения ольвиополитов и скифов, дает наиболее подробную этнокарту Скифии и прилегающих к ней с северо-востока земель, то создается впечатление, что навряд ли сами скифы и ольвиополиты проводили западную границу Савроматии строго по течению реки Дона.

Геродот сообщает: «По ту сторону Герра находятся так называемые царские владения и живут самые лучшие и много-

численные скифы, считающие своих скифов своими рабами. Занимаемая ими местность простирается к югу до Таврики, а к востоку до рва, который выкопали по пути слепых, и до торжища при Меотийском озере, называемом Кремнами, частью же их владения простираются до реки Танаиса... За рекою Танаисом уже не скифская земля; первый из участков земли принадлежит савроматам, которые занимают пространство в пятнадцать дней пути от угла Меотийского озера к северу; во всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев. Выше савроматов, на втором участке живут будины, занимающие местность сплошь покрытую разнородным лесом» (Геродот, История, IV, 20, 21; SC, I, стр. 16—17). Последние фразы этого фрагмента представляют начало описания знаменитого пути из Скифии на северо-восток, в Приуралье — одного из наиболее подробных и достоверных этногеографических экскурсов Геродота. В настоящей статье нет возможности давать подробный анализ этой периегесы, однако надо отметить, что внимательное изучение всех сведений, сообщаемых Геродотом относительно будинов и их страны, убедило нас в том, что территория, которую занимала эта этническая группа, могла находиться только в зоне лесостепи с большими островами смешанных лесов в междуречье Дона и Дона в воронежском Подонье. Подобная локализация будинов, принимаемая многими исследователями, может служить опорным пунктом при дальнейших рассуждениях.

В цитированном выше отрывке имеются два утверждения, основываясь на которых можно судить о западной границе савроматов — одно, что они живут за Танаисом и другое, что они живут к северу от угла Меотиды — утверждения несовместимые и взаимопроверочающие с точки зрения реальной географии, но вполне совместимые с точки зрения Геродота, считавшего, что Танаис впадает в Меотиду с севера. Определяя территорию савроматов, за отправной пункт обычно берут лишь одно из этих утверждений, гласящее, что савроматы живут за Танаисом. И это сразу же вызывает множество трудностей. Во-первых, сам путь на север вдоль правого берега Дона, который в нижнем течении течет не с севера, а северо-востока-востока, представляется бессмысленным. Во-вторых, если от-

³⁹ RE, VI, Sp. 1258.

кли
ра
ля
ок
не
яв
кр
и
ля
чт
по
ме
те
ст
ну
пр
не

де
он
ш
е

д
с
а
г
в
г
с
с
и
с
и

кладывать вдоль правого берега Дона то расстояние, которое, по Геродоту, отделяет угол Меотиды от земли будинов, то оказывается, что земля будинов лежит не в лесной и лесостепной зоне, как это явствует из сообщений Геродота, а в открытой степи, около впадения Медведицы и Хопра в Дон. Эти несуразности заставляют других исследователей предполагать, что путь шел не только по Дону: скифские послы и купцы, будто бы сами того не замечая, перебирались с Дона на Волгу, затем двигались на восток не по лесу, а по степи и углублялись в азиатские степи, минуя незамеченным Уральский хребет⁴⁰, — предположения, с нашей точки зрения не имеющие никакой реальной основы.

Отнюдь не претендуя на окончательное решение вопроса, хотелось бы отметить, что цитированный отрывок из труда Геродота можно понимать и по-другому. При определении территории савроматов с большим успехом можно принять за основу его утверждение о том, что путь через их земли вел к северу от угла Меотиды и не делать акцент на указания Геродота, что савроматы живут за Танаисом. Во-первых, античные авторы, как правило, проводили границы крупных областей и этнических групп по рекам (Рейну, Дунаю, Висле и в данном случае — Танаису), однако эти границы, как показали тщательные исследования, были весьма условными и принимать их без оговорок и проверки нельзя. Во-вторых, если представление Геродота о реках Скифии, расположенных к западу от Днепра, было достаточно четким и они, как правило, легко находят свое место на карте, то его представление о реках восточнее Днепра было чрезвычайно смутным, поэтому относительно их локализации до сих пор не существует единого мнения. Как известно, и направление нижнего течения Танаиса (если Танаис верно отождествляется с Доном) представлялось Геродоту иным, нежели оно было в действительности. В-третьих, дальнейший путь от земли будинов в Приуралье Геродот указывает по странам света, отмечая рельеф местности, характер почв и растительности, но совершенно не учитывая реки, что естественно, так как кочевники-скифы, вероятно, совершали его на конях, а не на локах. Поэтому вполне вероятно предпо-

ложить, что Геродота информировали лишь о пути «к северу от угла Меотиды» через землю савроматов, а Геродот, сообразно собственным географическим представлениям, поместил эту землю за Танаисом.

Если принять, что путь к будинам шел не через степи, лежащие к востоку от Дона, а прямо на север от угла Азовского моря, то окажется, что такой путь естественнее и короче, а если отложить расстояние от угла Меотиды до земли будинов в северном направлении, то выяснится, что земля будинов, при таком понимании текста, лежит в лесистой местности около Воронежа, что вполне соответствует описанию Геродота. Однако, давая подобное толкование этого важного фрагмента, можно прийти к заключению, что савроматы жили не только восточнее, но и западнее Дона. Не исключено, что оба взаимопроверочающих утверждения Геродота о локализации савроматов можно было бы в известной степени примирить, если, вслед за М. И. Артамоновым, считать, что в отдельных случаях за Танаис принимали (Геродот или его информаторы) не собственно Дон, а Северский Донец, впадающий в Дон с северо-запада⁴¹.

Во всяком случае приведенный выше отрывок из сочинения Геродота не дает оснований категорически ограничивать земли савроматов около середины V в. до н. э. только областями к востоку от Дона.

Другое сообщение Геродота: «...четыре большие реки текут через землю меотов и впадают в озеро, называемое Меотидою; имена их следующие: Лик, Оар, Танаис и Сиргис» (Геродот, История, IV, 123; SC, I, стр. 48), — несмотря на всю неясность контекста, заставляет предполагать, что он использовал какие-то данные, из которых следовало, что меоты жили не только восточнее, но и несколько западнее Дона, так как река Лик зафиксирована позднее у Птолемея между Кремнами и Танаисом (Птолемей, Географическое руководство, III, 5, 4; SC, I, стр. 230). Иногда и у более поздних авторов встречается локализация меотов не только на восточном берегу Азовского моря, а вокруг всей Меотиды (Полиен, Военные хитрости, VIII, 55; SC, I, стр. 397, 567). Уже М. И. Ростовцев

⁴¹ М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Уч. зап. ЛГУ, № 85, серия исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 161, см. карту на стр. 170.

«савроматы» в античных источниках исторического времени и раннего эллинизма (или в более поздних сочинениях, опирающихся на ранние источники) выступают как чрезвычайно близкие, видимо, частично перекрывающиеся друг друга понятия. Возможно, «савроматы» было этническое название, а меоты (в VI—V вв. до н. э.) — скорее географическое.

Именно в кругу этих сообщений, отражающих представления греческих авторов о существовании в VI—V вв. до н. э. собственно скифов и «амазоно-меото-савроматского» населения, и находит место сообщение Псевдо-Гиппократом о савроматах, живущих в Европе, западнее Танаиса. Однако, пока нет достаточных оснований говорить о том, что в конце V в. до н. э. савроматы двигались на запад. Правда, К. Ф. Смирнов полагает, что о позднем (с конца V в. до н. э.) проникновении савроматов к западу от Танаиса, якобы, свидетельствует Эфор (IV в. до н. э.), помещающий савроматов в Европе⁴³ (Страбон, География, VII, 3, 9). Однако, во-первых, насколько можно судить по пересказу Псевдо-Скимном этого же места из сочинения Эфора, последний помещал савроматов в Азии, а не в Европе (SC, I, стр. 89); Азия же, в представлении Псевдо-Скимна, лежит восточнее Танаиса. Во-вторых, все, что сообщает Эфор о скифах и их соседях, чрезвычайно близко к геродотовой традиции и поэтому сведения Эфора о савроматах могут отражать реальную обстановку VI—середины V в. до н. э. В-третьих, даже если вполне доверять сообщению Страбона о том, что Эфор помещает савроматов в Европе, это сообщение все равно нельзя привлекать для локализации савроматов к западу от Танаиса, поскольку совершенно неизвестно, по какому естественному рубежу разграничивал Эфор Азию и Европу. Разграничение Европы и Азии по Танаису отнюдь не было общепринятым в V—IV вв. до н. э. (Геродот, История, IV, 45; SC, I, 375). Единственный отрывок из произведений Эфора, где савроматы помещены достаточно четко — это свидетельство Псевдо-Скимна

⁴² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор... стр. 110—112.

⁴³ К. Ф. Смирнов. О начале проникновения савроматов в Скифию... стр. 47.

о живущем на восточном берегу Меотиды племени, которое Эфор назвал савроматами (SC, I, стр. 90).

Все изложенное позволяет предполагать, что в VI—V вв. до н. э. в степях прилегающих с запада к Дону, господствовали скифы. Однако нельзя не считаться с савромато-меотским населением, которое тогда же расселялось на восточной части этой территории (у самого Танаиса и Меотиды) и нельзя на исторических и археологических картах столь категорически ограничивать территорию савроматов и меотов в VI—V вв. до н. э. землями, расположенными восточнее Дона и Азовского моря. Правда, большинство савроматов жило, видимо, в степях к востоку и юго-востоку от Дона, а меоты, безусловно, — на восточном побережье Меотиды, в местах, где они фиксируются и в более позднее время.

Резюмируя изложенное в первом разделе статьи, можно утверждать, что после бурных событий, вызванных передвижениями кочевников в VIII—начале VI в. до н. э., в VI—V вв. до н. э. в европейских степях, наблюдается известная стабилизация. Однако уже в IV в. до н. э. в этногеографии этих областей происходят существенные изменения: появляется новый, ранее неизвестный этноним, — «сарматы».

II. ПЕРИОД АКТИВНОСТИ РАНИХ САРМАТОВ (IV в. до н. э. — первая половина II в. до н. э.)

Новый период в истории кочевников Европы тесно связан с этногеографическими наименованиями «сирматы», «сарматы» и «Сарматия», впервые появляющимися в IV в. до н. э.

В ряду источников, упоминающих эти названия, обычно наиболее ранним считают перипл Псевдо-Скилака (ок. 338 г. до н. э.), в котором якобы впервые упоминается слово «сирматы». Упоминание о «сирматах» в «Землеописании» Евдокса считают более поздним и относят к III в. до н. э.⁴⁴, что, видимо, не соответствует истине. В. В. Латышев на основании статьи Г. Унгера приписал это сочинение Евдоксу Родосскому, автору середины III в. до н. э. (SC, I, стр. 409). Выводы

⁴⁴ SC, I, стр. 409; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов, стр. 102; К. Ф. Смирнов. Савроматы... стр. 194.

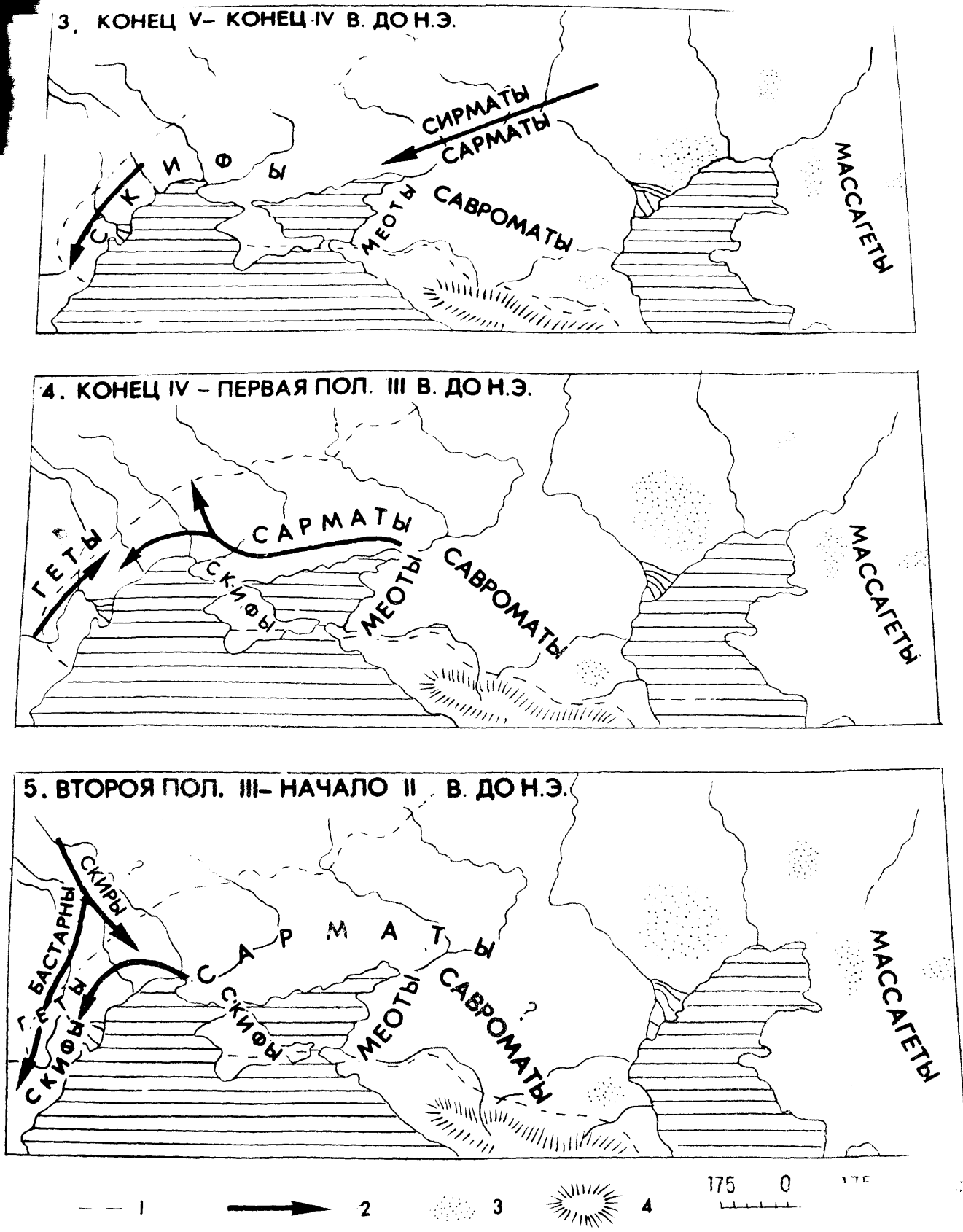

Рис. 2. Схематические карты размещения крупнейших объединений кочевников в восточноевропейских степях в IV — первой половине II в. до н. э. по данным античных письменных источников.

статьи Унгера позднее были оспорены в энциклопедии Паули, в 1907 г. Автором «Землеописания» определенно был назван Евдокс Книдский, писавший около 370—365 гг. до н. э.⁴⁵ С этим соглашался и М. И. Ростовцев⁴⁶. Таким образом, первое сообщение о сирматах относится не ко второй, а к первой половине IV в. до н. э. и локализует их «вблизи Танаиса». Позднее перипл Псевдо-Скилака уже отчетливее размещает скифов на Днестре и на западном участке северного побережья Меотиды, восточнее их, но западнее Танаиса, — сирматов, а за Танаисом «женовладеемых» савроматов (SC, I, стр. 85). Довольно близка к описанию Псевдо-Скилака картина, нарисованная Эфором (IV в. до н. э.). Он также основывался на традиции Геродота (или близкой Геродоту) (SC, I, стр. 89, 90, 115). Насколько можно судить по пересказанному Псевдо-Скимном отрывку из труда Эфора и у него центральное место в причерноморских степях по Днепру и восточнее Днепра занимают различные группировки скифов. Однако, перечисляя почти все названные Геродотом скифские группировки в степи, Эфор почему-то не называет самых могущественных — «скифов царских». Возможно, этот пропуск лежит на совести Псевдо-Скимна, однако вполне вероятно и другое предположение: Эфор написал не дошедшую до нас «Историю», в которой особое внимание уделялось событиям первой половины IV в. до н. э. и, по мнению М. И. Ростовцева, был хорошо осведомлен о Северном Причерноморье⁴⁷; не исключено, что к середине IV в. до н. э. «царские скифы», жившие восточнее других скифов, первыми подверглись натиску сарматов-сирматов и утратили главенствующее положение.

Есть основания предполагать, что рядом со скифами, по Танаису, Эфор, младший современник Евдокса и современник Псевдо-Скилака, помещал сарматов. В «Землеописании» Псевдо-Скимна (конец II — начало I в. до н. э.) имеется подробный пересказ большого фрагмента из труда Эфора, которого Псевдо-Скимн, видимо, считал самым авторитетным истори-

ком, описавшим степи Северного Причерноморья и Приазовья. В двух случаях, когда мнение Эфора разошлось с мнением других ученых, чьими трудами пользовался Псевдо-Скимн, последний оговаривает это. Поскольку в сочинении Эфора Танаис, по свидетельству Псевдо-Скимна, упоминался, а сообщение Псевдо-Скимна о том, что «на Танаисе... первыми живут сарматы» никак не оговорено и помещено внутри отрывка, пересказываемого в основном «по Эфору», естественно предположить, что и сообщение о сарматах взято у Эфора, хотя в тексте нет прямого указания на принадлежность ему именно этой фразы (SC, I, стр. 89—90). М. И. Ростовцев, видимо, также был склонен считать это свидетельство о сарматах принадлежащим Эфору⁴⁸. Если сообщение о сарматах взято Псевдо-Скимном у Эфора, который в своей «Истории» описал в основном события IV в. до н. э. (примерно до 340 г. до н. э.), то естественно предположить, что сведения о сарматах, сохранившиеся у Псевдо-Скимна, отражают историческую реальность первой половины или середины IV в. до н. э.

Также можно допустить, что сообщение Псевдо-Скимна о сарматах взято у Гекатея Теосского (В. В. Латышев его называет Эритрейским), цитируемого Псевдо-Скимном при описании Танаиса. Этот автор писал в эпоху Александра Македонского и Птолемея I, т. е. между 336 и 285 гг. до н. э., поэтому его сведения относятся ко времени не позднее рубежа IV и III вв. до н. э. Наконец, нельзя совсем скидывать со счетов и труд Деметрия из Каллатиса, также цитированного Псевдо-Скимном, при описании земель восточнее Танаиса. Однако, надо отметить, что Псевдо-Скимн ни разу не воспользовался данными Деметрия при описании побережья Понта от Тиря на западе до бассейна Танаиса на востоке. Деметрий писал на рубеже III и II вв. до н. э., значит сведения получены им не позднее этого времени. Описывая Северное Причерноморье, Псевдо-Скимн, который чрезвычайно любит называть источники, не цитирует никого, кроме Эфора, Деметрия и Гекатея. Допускать же, что интересующие нас свидетельства получены самим автором в конце II в. до н. э., невоз-

⁴⁵ RE, VI, стр. 930, 931, 947; Д. Томсон, ук. соч., стр. 174, 176, 177.

⁴⁶ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор..., стр. 23, 25.

⁴⁷ M. Rostovzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford, 1922, p. 83.

⁴⁸ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор..., стр. 25.

можно, так как в них нет никаких соответствий с теми данными, которые сообщают об этих местах Страбон, Аппиан, декрет в честь Диофанта — данные, которые, безусловно, связаны с событиями конца II в. до н. э. (войнами Митридата VI Евпатора) на рассматриваемой территории. Кроме того, из текста перипла явствует, что автор его сам никогда не бывал на Понте. Таким образом, сообщение Псевдо-Скимна о сарматах на Танансе можно безусловно датировать IV—III вв. до н. э., а скорее всего, IV в. до н. э.

Согласно Псевдо-Скимну, юго-восточнее сарматов жило «племя меотов», которых Эфор называет «савроматами» (SC, I, стр. 90, 281).

Псевдо-Скилак и Эфор, отводившие скифам центральное место в причерноморских степях, отражают расстановку сил и размещение этнополитических группировок не позднее, чем во времена могущественного скифского царя Атея (умер в 339 г. до н. э.), однако, уже несколькими десятилетиями позднее происходят крупные перемены.

Широко распространено мнение, что первое активное выступление сарматов на политической арене относится ко II в. до н. э., а географическое понятие «Сарматия» оформляется лишь в трудах римских писателей Агриппы и Мелы⁴⁹. Это мнение ошибочно. Впервые слово «Сарматия» появилось в сочинениях Гераклида Понтийского (390—310 гг. до н. э.). Антигон Каристский, автор III в. до н. э., сообщает: «Каллимах (310—235 гг. до н. э.—Д. М.) говорит, что Гераклид пишет об одном озере в Сарматии, будто ни одна птица не перелетает его, а если какая приблизится, то умирает от запаха» (SC, I, стр. 411). Позднее два других писателя повторяют это сообщение, заменяя слово «Сарматия» названием «земля савроматов», так как у античных писателей с конца II в. до н. э. и позднее этнонимы «сарматы» и «савроматы» становятся синонимами, на чем мы остановимся подробнее в дальнейшем. Исигон Nikeйский (I в. до н. э.) пишет: «Гераклид говорит, что ни одна птица не перелетает через озеро в земле савроматов, а приблизившись, умирает от за-

паха» (SC, I, стр. 454); Сотион (начало I в. до н. э.) уточняет: «Гераклид Понтийский говорит, что в земле савроматов есть озеро, в которое падают летающие вокруг него птицы» (SC, I, стр. 887). Оба писателя, безусловно, имели в виду Сиваш, залив Азовского моря, который до сих пор отличается дурным запахом и который, действительно птицы иногда «не перелетают», поскольку в Сиваше и в прилегающей части Азовского моря имеются острова и заболоченные пространства с прекрасными условиями для гнездования и зимовки птиц (в настоящее время там существует Азово-Сивашский заповедник), на которые обычно и опускаются летающие стаи⁵⁰.

Какие-то конкретные знания о Сиваше выступают у Гераклида в полуфантастической трактовке, однако наличие новых сведений о побережье Азовского моря вполне естественно. Уже учитель Гераклида — Аристотель сообщает новые, отсутствующие у авторов VI—V вв. до н. э., сведения о Меотиде и ее побережье (SC, I, стр. 373, 374, 378). Приток их в IV в. до н. э., вероятно, связан с активизацией деятельности греческих купцов на берегах Меотиды.

Тожественность «озера с дурным запахом» с Сивашом подтверждает описание последнего, которое три столетия спустя дал Страбон. Описав побережье между устьем Днепра и Перекопом, он сообщает: «Здесь находится перешеек шириной в 40 стадий, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским... Гнилое озеро... составляет западную часть Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно очень болотисто и едва судоходно... В заливе этом есть 3 островка...» (Страбон, География, VII, 4, 1; SC, I, стр. 122). Нельзя не заметить, что «озеро с дурным запахом», упомянутое Гераклидом, весьма напоминает болотистое «гнилое озеро» Страбона. Позднее Помпоний Мела отмечает в этих местах «болото» (Мела, II, 2), а Плиний (Естественная история, IV, 84) и Птолемей (Географическое руководство, III, V, 2, 3) называют Сиваш озером Букес. Следует сказать, что античные авторы знали, кроме

М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.—I в. н. э. СА, 1961, 1, стр. 91—110; RE, II—A, I, стб. 1921.

⁵⁰ И. И. Бабков. Сиваш. Симферополь. 1954, стр. 6, 28—30; Н. А. Бобринский. Животный мир и природа СССР. М., 1967, стр. 221.

Местиды, только одно крупное «озеро» на северном побережье Понта — Сиваш, причём названия его были разными. Так что тождество озера Гераклида и Сивашом почти несомненно.

Таким образом, свидетельство Гераклида позволяет утверждать, что в IV в. до н. э. сарматы появились в самом центре территории «царских скифов», у Сиваша и Перекопа, вероятно, вплоть до левого берега Днепра, так как расстояние от Сиваша до Днепра по прямой всего 70—80 км. Подобное передвижение сарматов вряд ли произошло до смерти Атея (339 г. до н. э.) и разгрома Зопириона (330 г. до н. э.). Данные о передвижении отсутствуют и у авторов, писавших специально о Северном Причерноморье в 30-х гг. IV в. до н. э. (Псевдо-Скилак и даже несколько позднее Эфор и Аристотель). Поэтому остается предполагать, что сведения о «Сарматии» относятся к последним десятилетиям жизни Гераклида, т. е. к 330—310 гг. до н. э. Правильность этой датировки подкрепляется свидетельством Теофраста (около 370—285 гг. до н. э.). В отрывке «О водах», написанном между 310—285 гг. до н. э.⁵¹, он сообщает, что «животное таранд... водится в Скифии или Сарматии» (SC, I, стр. 388). Из этого текста трудно понять: была ли одна область с двумя названиями или две разных? Все же небезынтересно отметить, что сообщение Теофраста почти дословно списано у Аристотеля, который, однако, пишет, что таранд водится «у скифов, называемых Гелонами», т. е. в Скифии (SC, I, стр. 379—380). Много веков спустя Стефан Византийский повторил сообщение Аристотеля, но в соответствии с представлениями, сложившимися в римское время, добавил: «Гелон — город в Европейской Сарматии» (SC, I, стр. 257). Итак, по сообщению Аристотеля (IV в. до н. э.), таранд водился у скифов, по Теофрасту (рубеж IV—III вв. до н. э.) — в Скифии или Сарматии, по Стефану Византийскому (I в. до н. э.—IV в. н. э.) — в Европейской Сарматии. Возникает предположение, не улавливается ли в сообщениях Теофраста и Гераклида тот момент, когда вся область к западу от Танаиса до Борисфена уже стала называться Сарматией (что позднее, в I в. до н. э., нашло от-

ражение в карте Агриппы), но по традиции иногда еще именовалась старым названием — Скифия?

Возможно, что Теофраст и Гераклид, современники и ученики Аристотеля, узнали новое в античной литературе название «Сарматия» из одного источника.

Видимо область у Перекопа и Сиваша, называвшаяся «Сарматия», существовала и в III в. до н. э. Во всяком случае, и Каллимах и Антигон вполне доверяли сообщению Гераклида и повторяли его в своих сочинениях, хотя оно совсем не вязалось со старой, освященной традицией, геродотовской и гекатеевской этнокартой Причерноморья.

О существовании Сарматии в III в. до н. э. свидетельствует легенда о сарматской царице Амаге, жене сарматского царя Медосакка, рассказанная Полиеном (SC, I, стр. 368). По мнению М. И. Ростовцева⁵², она восходит к труду историка Филарха, описавшего события 272—220 гг. до н. э., и к херсонесским историкам III в. до н. э. — Сириску или другим, нам неизвестным. По этой легенде, несомненно отражавшей реальную историческую ситуацию, в период между 272 и 220 гг. до н. э. (если принять мнение М. И. Ростовцева об источнике легенды) сарматы обитали на «Понтийском побережье», т. е. на берегу Черного моря. Центр территории их кочевий, откуда Амага предприняла набег на крымских скифов, чтобы защитить Херсонес, лежал в 1200 стадиях (около 200 км) от «двора» царя крымских скифов. Если принять, что «двор» скифского царя находился в Неаполе Скифском или поблизости от него, то центр зимних кочевий сарматов должен был находиться на побережье Черного моря, где-то между устьем Днепра и Перекопом, примерно в 75 км к западу от берега Сиваша.

В начале II в. до н. э. сарматы по-прежнему оставались значительной силой в степях, примыкающих с севера к Перекопу. Видимо, ситуация, аналогичная зафиксированной в легенде об Амаге, нашла отражение в мирном договоре 180—179 гг. до н. э. припонтйских государств, участ-

⁵² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор... стр. 137, 138. Попытка Дж. Харматты отнести легенду к событиям 165—140 гг. до н. э. кажется совершенно необоснованной (см.: J. Harmatta, Studies on the History of the Sarmatians, Budapest, 1959, p. 8—11).

никами которого были I атал, царь сарматов, живших в Европе (т. е. западнее Танаиса), Херсонес и Фарнак I, царь понтийский (Полибий, Всеобщая история, XXV, 2, 12), а также в сепаратном договоре между Фарнаком I и Херсонесом. К. М. Колобова, подробно исследовавшая все обстоятельства, связанные с этими договорами, заключила, что «херсонесцы ищут союзников против скифов и в лице Фарнака и, по всей вероятности, в лице царя Гатала, т. е. среди сарматских племен, обитавших на севере у входа в Крымский полуостров»⁵³.

К рубежу III—II вв. до н. э. (т. е. после событий, связанных с деятельностью легендарной сарматки Амаги, и до союза Херсонеса и Фарнака I с сарматским царем Гаталом) относится важнейший документ — декрет в честь Протогена⁵⁴. Не анализируя подробно этот сложный памятник, отметим, что скифы выступили здесь как одна из мелких этнических групп к западу от Ольвии, наряду с неизвестными ранее фиссаматами и савдаратами. Фиссаматы, судя по названию, относились к кругу савроматских или сарматских племен. Господствовали в степях грозные «саи» во главе с царем Сайтафарном, которому Ольвия платила дань. Этноним «саи» еще Ф. Браун рассматривал как самоназвание ираноязычного объединения кочевников, имеющее значение «господствующие», «царские»⁵⁵. Это, далеко не бесспорное осмысление имен «саи» и «Сайтафарны» до сих пор принимают некоторые исследователи, и нам кажется оно вполне вероятным. Однако, если принять эту гипотезу, то возникает вопрос: идет в декрете речь о «царских скифах» или о «царских сарматах»? Скифы выступают в декрете как небольшая группа населения, которая вместе с фиссаматами и савдаратами живет, видимо, к западу от Ольвии, боится нашествия галатов и хочет укрыться за ольвийскими стенами; саи выступают как могущественное степное объединение, кочевья которого находятся, судя по всему, к востоку от Ольвии, за рекой (Южным Бугом или Днепром), «на той стороне»,

т. е. там же, где отмечены сарматы Амаги и Гатала. Саи взимали с Ольвии дань и, видимо, были мало обеспокоены нашествием галатов и скифов. Уже одно это сопоставление показывает, что саи — это не скифы. Естественнее всего видеть в них «царских сарматов», упомянутых Страбонам, Аппианом и Птолемеем, а не «царских скифов», как считают многие исследователи, опираясь, видимо, на то, что Б. Н. Граков отрицает реальное существование «царских сарматов»⁵⁶.

Однако реальность «царских сарматов» Страбона признавалась большинством исследователей, специально занимавшихся текстом Страбона⁵⁷. И если «царские скифы», зафиксированные Геродотом для середины V в. до н. э., т. е. за 250 лет до «саев», не упоминаются ни одним самостоятельным источником при описании истории или географии Скифии в IV в. до н. э., то «царские сарматы» зафиксированы Страбонам и Аппианом в событиях конца II—начала I в. до н. э., т. е. лишь 90—100 лет спустя после «саев» в декрете Протогена (Страбон, География, VII, 3, 17; SC, I, стр. 120; Аппиан, Войны с Митридатом, 69; SC, I, стр. 527—528). К этому надо добавить, что и корень «фарн», входящий в имя Сайтафарна, не встречается ни в довольно многочисленных именах скифских царей VII в. до н. э.—II в. н. э. ни в ольвийских надписях с варварскими именами вплоть до II в. до н. э. Ближайшие аналогии ему отыскиваются в именах вождей, власть которых распространялась к востоку от Дона и Меотиды, на территории, которая уже с IV в. до н. э. находится в сфере влияния сарматов. Приведем для примера имена вождя конца IV в. до н. э. Арифарна (Диодор, Историческая библиотека, XX, 22, 23) и сарматского бога Уатафарна (II—I вв. до н. э.)⁵⁸. Подобные имена встречаются в еще более раннее время у ираноязычных кочевников Персии и Средней Азии.

⁵⁶ Б. Н. Граков. Термин *Sarmani* и его производные в надписях Северного Причерноморья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 82, 85; Он же. Каменское городище, стр. 26, 27.

⁵⁷ Ф. Браун. Разыскания..., стр. 94, 95; J. Nagatta, op. cit., p. 16—35; Л. А. Е... кий, ук. соч., стр. 88.

⁵⁸ В. Ф. Миллер. О сарматском боге Уатафарне. М., 1900 (отдельный оттиск из сб. «Древности восточные», т. I, вып. V), стр. 3—7.

⁵³ К. М. Колобова. Фарнак I Понтийский. ВДИ, 1949, 3, стр. 31.

⁵⁴ IPE, I², 32.

⁵⁵ Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 94, 95.

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что «саи», вероятно, самоназвание какой-то орды кочевников сарматского круга, господствовавшей в степях между речья Южного Буга и Днестра и к востоку от Днестра. Упомянутые в декрете фиссаматы — скорее всего тоже небольшое объединение кочевников (племя?) сармато-савроматского круга, продвинувшееся еще дальше на запад, за Южный Буг.

Заканчивая обзор источников по древнейшей истории сарматов, следует отметить, что к периоду — конец IV — первая половина II в. до н. э. — безусловно относятся и два сообщения Диодора Сицилийского (I в. до н. э.) о сокрушительном набеге савроматов (во времена Диодора савроматы и сарматы уже обычно отождествлялись) на земли скифов и о «поголовном истреблении» ими населения Скифии, и сообщение о завоевании Скифии амазонками и воцарении в ней женщин, что является, видимо, легендарным оформлением того же конкретного факта — завоевания Скифии сарматами — и перекликается с легендой о сарматской царице Амаге (Диодор, Историческая библиотека, II, 43—46).

Для понимания узловых проблем рассматриваемой эпохи чрезвычайно важно по возможности четко определить соотношение и содержание понятий «савроматы», «сирматы», «сарматы» и «Сарматия».

К. Ф. Смирнов называет сарматами все кочевые племена, жившие на территории от Приазовья до Приуралья; к «савроматам» он относит сарматские племена, жившие в западных районах Поволжья и Подонья, а «сирматов» считает крайне западной группой савроматских племен⁵⁹. В другой своей работе он вначале оговаривает нетождественность понятий «савроматы» и «сарматы»⁶⁰, но в дальнейшем употребляет оба термина как синонимы, имея в виду все кочевое население VIII—IV вв. до н. э. от Дона до Урала⁶¹.

Многие исследователи употребляют названия «сарматы» и «савроматы» как синонимы. Даже В. Б. Виноградов, однажды оговорив, что называет савроматами кочевников Поволжья и Подонья только для VI—IV вв. до н. э., а сарматами — кочев-

ников Приуралья, в дальнейшем употребляет эти термины как синонимы, заявляя, что савроматы и сарматы «один и тот же народ»⁶².

Однако подобные представления не находят опоры в приведенных выше письменных источниках. Ранее всего «сирматы» были зафиксированы «вблизи Танаиса» (Евдокс), а несколько позже, западнее Танаиса, на северном побережье Меотиды, причем их отличают от савроматов, живущих восточнее Танаиса (Псевдо-Скилак). Ранние сарматы, упоминание о которых Псевдо-Скимн, вероятно, заимствовал у авторов IV — начала III в. до н. э., также зафиксированы «на Танаисе» и вполне определенно отделены от восточных своих соседей — савроматов. Несколько позднее «Сарматия» уже занимала степные просторы днепровского левобережья к северу от Сиваша и Азовского моря (Гераклид Понтийский, Теофраст). Таким образом, наименования «сирматы», с одной стороны, и «сарматы», «Сарматия» — с другой, появляются в источниках почти одновременно, относятся почти к одной и той же территории и чрезвычайно сходны по написанию и звучанию. Естественно допустить, что «сирматы» и «сарматы», как предполагал еще М. И. Ростовцев, — это различно записанное греками название одной группировки кочевников.

Труднее разобраться в соотношении понятий «сирматы», «сарматы», «Сарматия», с одной стороны, и «савроматы» — с другой. Как было отмечено выше, авторы IV — начала II в. до н. э. резко отличали сирматов-сарматов от «женовладеемых» савроматов⁶³. Не находит твердой опоры в источниках трактовка сирматов и ранних сарматов как западной группы савроматов, перешедших в конце V — начале IV в. до н. э. на правый берег Танаиса и отделившихся от основного «савроматского» массива. Во-первых, как показано выше, никакого самостоятельного движения савроматов на запад около рубежа V—IV вв. до н. э., по данным письменных источников,

⁶² В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 39, 66, 145 и др.

⁶³ Утверждение К. Ф. Смирнова, что уже Евдокс отождествлял сирматов и савроматов (К. Ф. Смирнов. Савроматы..., стр. 194), не убедительно. Из контекста следует, что отождествление сирматов прибавил от себя Стефан Византийский, передавший свидетельство Евдокса (С...

⁵⁹ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, 3, стр. 16—18.

⁶⁰ К. Ф. Смирнов. Савроматы..., стр. 3.

⁶¹ Там же, стр. 4, 194.

не прослеживается. Во-вторых, насколько можно вывести из скудных сообщений источников, сирматы-сарматы жили не к западу от Танаиса, а скорее по обоим его берегам. Действительно, Евдокс помещает их «вблизи Танаиса», Псевдо-Скилак пишет, что «сирматы народ и река Танаис составляет границу Азии и Европы», а савроматов помещает сразу после сирматов за Танаисом, в Азии, но не у самого Танаиса, как Геродот, а южнее, по берегу «Понта», под которым в данном случае видимо надо понимать восточный берег Меотиды. Таким образом, создается впечатление, что сирматы занимали и левый берег Танаиса. Наконец, Псевдо-Скимн, в сообщении, восходящем к IV — началу II в. до н. э., помещает сарматов «на Танаисе» при описании «Азии», т. е., безусловно, и на восточном берегу, а савроматов — где-то южнее, или юго-восточнее.

Важно отметить, что авторы, писавшие в IV — середине II в. до н. э., помещали сирматов-сарматов на Дону и к западу от него, вплоть до Поднепровья (Евдокс, Псевдо-Скилак, Гераклид Понтийский, Теофраст, Каллимах, Антигон, источники Псевдо-Скимна, Полибий), тогда как «женовладеемых» савроматов в это же время фиксировали на юго-востоке от Дона и восточнее Азовского моря, в северном Предкавказье (Псевдо-Скилак; Аполлоний Родосский, Аргонавтика, III, 351—353; источники Псевдо-Скимна). Позднее именно в Предкавказье существовали, по мнению античных авторов, в качестве самостоятельных этнических единиц савроматы и амазонки (Страбон, География, XI, 5, 1—2; Плиний, Естественная история, VI, 15, 39; Птолемей, Географическое руководство, V, 8, 17—25). Однако с конца II в. до н. э. и позднее (источники Страбона конца II—I в. до н. э., Плиний, Диодор Сицилийский и др.) названия «сирматы», «сарматы» и «савроматы» стали употребляться уже как синонимы. В этом отношении показательное сообщение Стефана Византийского. Цитируя из сочинения Евдокса отрывок о сирматах, он добавляет от себя, что «сирматы — то же, что савроматы». Не менее характерно, что если авторы IV—III вв. до н. э. Гераклид Понтийский, Каллимах и Антигон упоминают «Сарматия» (SC, I, стр. 411), то авторы I в. до н. э. — I в. н. э. Сотион и Исигон, повторяя это же сообщение Гераклида, за-

меняют слово «Сарматия» и пишут о «земле савроматов» (SC, I, стр. 454, 887). Однако надо отметить, что иногда и более поздние источники, например, написанная в III в. н. э. «Книга происхождения» (SC, I, стр. 445), отличают савроматов от сарматов. Римские писатели, говоря о кочевниках Причерноморья и Приазовья, в трактатах общего характера чаще употребляли освященное традицией название «савроматы»; когда же они писали о конкретных событиях, связанных с хорошо им известными кочевниками Подунавья (в первую очередь, с языгами), то предпочитали название «сарматы».

Таким образом, античные письменные источники не дают однозначного ответа на вопрос, являются ли «савроматы» и «сирматы-сарматы» различными названиями одного объединения кочевников или они соответствуют двум самостоятельным объединениям. Однако, если сирматы-сарматы появляются в древнейших свидетельствах IV — начала II в. до н. э. как самостоятельная этническая группа, отличающаяся греческими писателями от савроматов, то вероятно предположение М. И. Ростовцева, что сирматы-сарматы — объединение кочевников, появившееся в Подонье впервые на рубеже V—IV вв. до н. э. Позднейшее отождествление наименований «сарматы» и «савроматы», перенос названия одной древнейшей этнической группы на другую, занявшую позднее территорию первой, — все это находит многочисленные аналогии и объяснение в античной историографии. Общеизвестно, например, что германцы-готы, с момента появления в Причерноморье, у античных историков называются «скифами», а позднее, у Иордана — «гетами», так как они заняли частично территорию, принадлежавшую ранее скифам и гетам. И если иногда в античной традиции удается уловить настоящее имя только что появившейся этнической единицы, то обычно это возможно лишь при чтении авторов — современников или близких по времени появлению нового населения. Так, например, Аммиан Марцеллин — современник гуннского вторжения — именуется гуннов — «гуннами», а Приск Понтийский, описывавший гуннов столетием позже, именуется их «скифами» и «царскими скифами».

В свете изложенного представляется вероятным, что около рубежа V—IV вв. до н. э. новое кочевое объединение, извест-

арматов, продвинулось с востока и заняло степи по Та-наису, на пограничье между скифами и савроматами. Оно оттеснило последних в восточное Приазовье и Предкавказье, а частично, может быть, и включило их в свой состав. В дальнейшем сирматы-сарматы, возможно, вместе с некоторыми савроматскими и меотскими племенами, продолжили движение на запад, заняв в конце IV—III в. до н. э. восточную и центральную часть древней Скифии.

Конечно, допустимо и иное решение проблемы. Греки VI—V вв. до н. э. имели сравнительно слабые контакты с северо-восточным побережьем Азовского моря и нижним Подоньем и основные сведения о савроматах получали, видимо, от скифов. Скорее всего и этноним «савроматы» они узнали в скифском произношении. Позднее греки вступили в более тесный контакт с населением Подонья и могли узнать от местного населения название восточных соседей скифов в новом произношении — «сарматы» и «сирматы». Но по традиции в периплах и периегесах, наряду с новым, оставалось и старое название «савроматы».

Однако, если говорить не о представлениях античных историков, а о реальных событиях, то для понимания их, на наш взгляд, важны некоторые соображения общего порядка.

Во-первых, сомнительно, чтобы савроматы по собственной инициативе нанесли сокрушительный удар скифам. Объединение савроматов уже в течение двух веков стабильно существовало в нижнем Подонье и Восточном Приазовье — в областях, располагающих к развитию оседлых и полупоседлых форм хозяйства, что, как известно, всегда ослабляет военный потенциал кочевников, их наступательную мощь. Во-вторых, изучение истории европейских степей в эпоху господства кочевого хозяйства, в VIII в. до н. э.—XIV в. н. э. показывает, что из областей, лежащих восточнее Полужья, каждые 200—300 лет в Европу торгалась новая мощная волна кочевников и это всякий раз приводило к изменению этнокарты европейских степей (II в. до н. э.—роксоланы; вторая половина I в. до н. э.—аланы; вторая половина IV в. н. э.—гунны; вторая половина VI в. н. э.—авары; конец IX—начало X в.—угры и печенег; вторая половина XI в.—половцы; первая половина XIII в.—татары и пр.).

Подобный ритм движения имеет глубокие причины, которые существовали в «скифское» время. Маловероятно, чтобы с VIII в. до н. э. (вторжение «царских скифов») и до II в. до н. э. (вторжение роксоланов), в течение 600 лет, в степи между Дунаем и Волгой не вторглось ни одно крупное объединение кочевников. Поэтому, в нашем представлении, серьезные изменения этнокарты Европы в IV—III вв. до н. э. свидетельствуют о вторжении из Заповолжских степей (из Приуралья ли или из более восточных областей — сказать трудно) новой сильной орды кочевников. Трудно решить, было ли название «сарматы» самоназванием пришельцев, или они приняли его, объединившись с савроматами в Подонье. Кто был ведущей силой в дальнейшем продвижении на запад, в пределы Скифии — пришельцы (что вероятнее) или савроматы — сказать трудно. Проблема эта сложна и категорическое решение ее при настоящем уровне изучения источников недопустимо. Возможно, данные археологии помогут разобраться в этом клубке вопросов. Однако уже сейчас ясно, что появление этнонима «сарматы-сирматы» в IV в. до н. э. между Доном и Днепром связано с большими изменениями, происходившими в культуре кочевого населения степей между Доном и Зауральем, в начале IV в. до н. э. К. Ф. Смирнов связывает эти перемены с движением на запад приуральских племен, которые он именует сарматами, то савроматами, то протосарматами⁶⁴.

Ключевым вопросом для рассматриваемой проблемы является определение времени, к которому следует относить сокрушительный набег сарматов-савроматов на скифские земли, описанный Диодором Сицилийским. Это событие, являющееся поворотным пунктом в истории южнорусских степей, большинство современных историков относит ко II в. до н. э., Б. Н. Граков и К. Ф. Смирнов — к первой половине II в. до н. э.⁶⁵ Некоторые исследователи допускают, что изредка сарматы доходили до левобережья Днепра еще в III в. до н. э., но при этом почти все согласно утверждают, что «сарматский» период начинается в с

⁶⁴ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 286—290.

⁶⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище Днепре... стр. 28; К. Ф. Смирнов. О начале кочевничества сарматов в Скифию... стр. 46.

Причерноморских степей

бежа III—II вв. до н. э. Лишь М. И. Ростовцев принимал более раннюю датировку завоевания Скифии сарматами — вторую половину или конец III в. до н. э. Однако и для него незыблемым *terminus post quem* этого события было время возникновения позднейших скифских «царских» курганов — середина III в. до н. э.⁶⁶

Ниже постараемся обосновать иную, более раннюю дату завоевания левобережной Скифии сарматами; для этого надо еще раз обратиться к рассмотренным ранее источникам.

Уже договор 180—179 гг. до н. э. свидетельствует о том, что сарматы, жившие в степях около Перекопа, были хорошо известны грекам и представляли стабильную политическую силу. Значит, появились они здесь впервые, видимо много раньше, не позднее III в. до н. э. Но в конце III в. до н. э., как явствует из декрета Протогена, западнее Днепра, в окрестностях Ольвии, уже жили племена фиссаматов и савдаратов, по мнению большинства исследователей, принадлежащих к савромато-сарматскому кругу. Видимо, сарматами являются и могущественные саи, упомянутые в этом же декрете. Да и легенда об Амаге, восходящая, по мнению М. И. Ростовцева, к середине или второй половине III в. до н. э., фиксирует сарматов как господствующую силу в степях Поднепровья и у Перекопа. Следовательно, завоевание Скифии сарматами должно относиться к еще более раннему времени. Единственным свидетельством, могущим служить опорой для точной датировки этого события, является сообщение Гераклида Понтийского, относящееся к концу IV в. до н. э., о Сарматии, занимавшей левобережные днепровские степи к северу от Сиваша. Возможность завоевания сарматами Днепровского левобережья именно тогда, а точнее, между 330 и 310 гг. до н. э. подтверждает и политическая ситуация, сложившаяся в причерноморских степях в это время.

До 339 г. до н. э. (года гибели скифского царя Атея) господство еще мощного и централизованного скифского объединения простиралось, судя по сообщениям Страбона (Страбон, География, VII, 3, 18),

⁶⁶ М. Rostovzeff, *op. cit.*, p. 115; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор..., стр. 111, 612.

Полиена (SC, I, стр. 566) и эпитафия Помпея Трога (SC, II, стр. 62), от Дуная до северо-западного побережья Меотиды⁶⁷. Многие исследователи считают, что началом упадка этой Скифии являлись смерть Атея и поражение в войне⁶⁸ с Филиппом Македонским, приведшие к «распаду скифской державы»⁶⁹. Не вдаваясь подробно в эту проблему, отметим, что по данным эпитафия Помпея Трога (основного источника по истории войны Атея с Филиппом) имели место поражение и смерть Атея в первом столкновении с македонским царем, но, вопреки распространенному мнению, войну в целом скифы отнюдь не проиграли. Приведем два отрывка, обычно не привлекающие особого внимания. «Митридат... покорил непобедимых прежде скифов, которые уничтожили Зопириона, полководца Александра Великого, с 30-тысячным войском, перерезали персидского царя Кира с двумястами тысяч и захватили в бегстве македонского царя Филиппа». «Некогда два царя, осмелившиеся не покорить Скифию, а только войти в нее, именно Дарий и Филипп, с трудом нашли путь для бегства оттуда» (Юстин, Эпитафия Помпея Трога, XXXVII, 3, 1; XXXVIII, 7, 3). То, что скифы, в представлении греков, не проиграли Филиппу войны в целом, подтверждает декрет в честь Диофанта, в котором говорится, что Диофант «обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, таким образом, сделал то, что царь Митридат Евпатор первый поставил над ними трофей» (IOSPE, I, стр. 352). Из текста ясно, что до походов Диофанта скифы считались непобедимыми в войнах с античными и восточными государствами.

Именно этот неопределенный исход столкновения Филиппа со скифами объясняет походы Александра в 335 г. до н. э. к низовьям Дуная и Зопириона в 331—330 гг. до н. э. в глубь Скифии, когда он дошел до Ольвии и осадил ее, но затем при не вполне ясных обстоятельствах

⁶⁷ Мы исходим из представлений Страбона о размерах владений Атея. Однако некоторые исследователи считают, что владения Атея были ограничены придунайскими областями. Если бы подобная точка зрения подтвердилась, появилась бы возможность говорить о еще более раннем появлении сарматов на левом берегу Днепра.

⁶⁸ А. П. Смирнов. Скифы..., стр. 112.

⁶⁹ Т. Д. Блаватская. Греки и скифы на западном Причерноморье. ВДИ, 1948, I, стр. 212.

был все же уничтожен скифами вместе со всей армией.

В событиях 340—330 гг. до н. э. скифы выступают как внушительная сила в Причерноморских степях. Видимо в это время они еще не подверглись сокрушительному удару сарматов, хотя, по свидетельствам Евдокса, Псевдо-Скилака и, возможно, Эфора, были уже потеснены ими на восточных границах⁷⁰.

Борьба на два фронта с Македонией и сарматами, вероятно, подорвала могущество скифов. Видимо, в конце IV в. до н. э. сарматы обрушили на них сокрушительный удар, дважды описанный Диодором красочно, хотя и кратко. К 310 г. до н. э. на территории степей, примыкающих с севера к Сивашу, Гераклид Понтийский уже фиксирует новое этно-политическое образование — «Сарматия»⁷¹. Все дальнейшие активные выступления скифов связаны только с некоторыми областями Крыма и Добруджи и не затрагивали степи к северу от Черного и Азовского морей.

Следующими по времени событиями были военное выступление скифов к югу от Дуная в 313 г. до н. э., закончившееся их поражением (Диодор, Историческая библиотека, XIX, 73) и несколько более успешное выступление в 309 г. до н. э. в Крыму и на восточном берегу Меотиды на стороне боспорского царя Сатира (Диодор, Историческая библиотека, XX, 22—24). Поскольку во время похода Александра в 335 г. до н. э. к низовьям Дуная скифы здесь не были зафиксированы, то, вероятно, их выступление здесь в 313 г. до н. э. вызвано новым движением кочевников из глубины степей, скорее всего натиском сарматов. Да и участие огромного по тем вре-

⁷⁰ Формально последней акцией северопричерноморских скифов можно считать не борьбу с Зопирионом, а их посольства в 329—328 гг. до н. э. к Александру Македонскому (Арриан, Поход Александра, IV, 15, 1; IV, 1, 1). Однако большинство историков, рассматривая сообщение Арриана с точки зрения истории среднеазиатского похода Александра, считает этих скифов одной из групп азиатских кочевников. Однако сам Арриан подчеркнуто разделяет и отличает европейских и азиатских скифов. Вероятно, было бы полезно еще раз рассмотреть это свидетельство с точки зрения истории европейских скифов.

⁷¹ Лишь немногим позднее западные области Скифии подвергаются натиску со стороны гетов, а к концу III в. до н. э. на северо-западных и лесостепных границах Скифии появляется совершенно новое объединение — бастарны. Однако изучение этих событий является темой настоящей статьи.

менам 30-тысячного скифского войска в событиях на Боспоре говорит в пользу того, что большая часть скифского объединения передвинулась в Крым. Сообщение о том, что Перисад, сын Сатира, «бежав из города верхом на коне... нашел убежище у скифского царя Агара» (Диодор, Историческая библиотека, XX, 24), также создает впечатление, что ставка Агара находилась где-то неподалеку от Пантикапея, в пределах Крыма. Во всяком случае именно в самом конце IV в. до н. э. фиксируются активные выступления скифов в Добрудже и Крыму, где впоследствии обосновались скифы, вытесненные из большей части степного Причерноморья в эти хорошо защищенные области. И если закрепиться в Добрудже им сразу не удалось, то, видимо, в Крыму, именно тогда образовалась Малая Скифия, о которой сообщает Страбон (Страбон, География, VII, 4, 5).

Таким образом мы приходим почти к тому же выводу, что и Б. Н. Граков: основной причиной упадка скифского могущества были не войны с Македонией, а удары более опасных кочевников — сарматов. Однако образование Малой Скифии произошло, вероятно, несколько позднее, чем полагал Б. Н. Граков, да и сама Малая Скифия, по письменным источникам, представляется несколько иной, нежели ее рисует Б. Н. Граков. По мнению Б. Н. Гракова, ранняя Малая Скифия, которую он идентифицирует с «державой» Атея, это могущественное объединение, простирающееся от Дуная или от Днестра на западе до Керченского полуострова на востоке. Центр его находится на Днепре, конкретнее — в Каменском городище. «Малую Скифию» Атея Б. Н. Граков противопоставляет Малой Скифии «в страбовом смысле слова»⁷². Однако ни о какой Малой Скифии в Северном Причерноморье, кроме «страбовой», источники не упоминают и введение в научный оборот второй Малой Скифии нам кажется малообоснованным. В «Географии» недвусмысленно сказано, что основной территорией Малой Скифии был именно Крым. В переводе В. Р. Тышчева отрывок звучит так: «Вся эта страна (Крым, как явствует из контекста.— Д. М.), а также, пожалуй, и облас-

⁷² Б. Н. Граков. Каменное
стр. 22—25.

за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией» (SC, I, стр. 126). Нам кажется, нет никаких оснований включать в явно небольшую область «за перешейком» все приднепровские степи вокруг Каменского городища, расположенного далеко в степи. Поскольку Страбон считает, что Малая Скифия, расположенная в Крыму и Нижнем Поднепровье, древнее Малой Скифии в Добрудже, а последняя реально существовала уже в середине III в. до н. э., то крымскую Малую Скифию можно датировать самым концом IV — серединой III в. до н. э. Вероятно, позднее, ее территория сократилась до размеров собственно степной части Крыма, так как, судя по данным Полиена в интерпретации М. И. Ростовцева, сарматы эпохи Амаги уже во второй половине III в. до н. э. занимали земли у Понта между перешейком и устьем Днепра.

Безусловно, какие-то группы «скифского» населения еще оставались в приднепровских и побужских степях, однако военное и политическое преобладание сарматов в ту эпоху уже несомненно.

Таким образом, поворотным пунктом в истории причерноморских и северно-приазовских степей был не II в. до н. э., как принято считать, а конец IV в. до н. э. и рубеж IV—III вв. до н. э. Вывод, сделанный на основе письменных источников, подтверждают и археологические исследования. Самые поздние «царские» скифские погребения на левобережье Днепра (т. е. там, где Гераклидом Понтийским зафиксирована древнейшая «Сарматия») относятся к середине или последней четверти IV в. до н. э.; последний «царский» курган на правобережье Днепра — Александропольский — датируется рубежом IV—III вв. до н. э. или первой четвертью III в. до н. э.⁷³ В самом начале III в. до н. э. прекращают существование поселения земледельцев на правом берегу Днепра, тесно связанные со степной Скифией⁷⁴. Сам Неаполь Скифский, по мнению многих ис-

следователей, — столица крымской Скифии — возникает не позднее начала III в. до н. э., так как древнейший датирующий материал с его территории — синопская черепица конца IV в. до н. э. — 270 г. до н. э.

Создается впечатление, что если датировать огромное Каменское городище не по отдельным вещам, а по массовому материалу (импортной керамике), говорящему о стабильной жизни на части его территории, то время его возникновения не вторая половина V в. до н. э., а IV в. до н. э. и вряд ли оно было столицей процветающей Скифии⁷⁵. В первой же половине IV в. скорее всего это было городище-убежище, опорный пункт в борьбе, главным образом, против восточных соседей — сарматов. Хорошо укрепленное городище одновременно могло стать и средоточием ремесла и торговли, поэтому в сохранении его оказывались заинтересованными не только скифы, но и сарматы, после того как они сломали скифское сопротивление в степях Поднепровья. Интересно, что в середине III — начале II в. до н. э. среди амфорной тары, найденной на городище, высокий процент составляют клейменные амфоры Херсонеса⁷⁶, которые тогда редко встречались за пределами самого Херсонеса. Именно для этого времени письменные источники фиксируют тесные связи Херсонеса и сарматов (союзы с Амагой и Гаталом). Не являются ли херсонесские амфоры, найденные на Каменском городище, косвенным свидетельством того, что в III в. до н. э. население городища уже было в той или иной степени подчинено сарматам?

Уверенно говорить о существовании сарматских погребений IV—III вв. до н. э. на левом берегу Днепра пока нельзя, хотя М. П. Абрамова, например, определяет некоторые погребения этого времени как сарматские⁷⁷. Надо, однако, отметить, что и другие, даже мощные удары восточных кочевников в Поднепровье прослеживаются археологически лишь косвенно. Так, гуннское нашествие отразилось, по данным археологии, в прекращении развития черняховской культуры, татарское — в гибели русских городов.

⁷³ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. . . , стр. 52, 58; И. Б. Брашинский. Значение греческих остродонных амфор для изучения скифских курганов Приднепровья. Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1967, стр. 14, 15.

⁷⁴ В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, вып. Д I—4, стр. 13, 24.

⁷⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище. стр. 172.

⁷⁶ Там же, стр. 87—94.

⁷⁷ М. П. Абрамова. Материалы к истории культуры

В целом можно утверждать, что археологические исследования подтверждают указания письменных источников на то, что именно конец IV — начало III в. до н. э. были переломным периодом в истории европейских степей и лесостепи.

В заключении статьи хочется остановиться еще на одной проблеме. Если ядро раннего сарматского объединения Подонья и Приазовья составляла какая-то новая, продвинувшаяся с востока группировка кочевников (а такое предположение, как показано выше, является наиболее вероятным), то возникает другой вопрос: откуда появились эти пришельцы, какую территорию занимали они до прихода на Дон? Дать обоснованный ответ на этот вопрос нельзя, однако один факт отметить необходимо: появление первых сведений о сарматах-сирматах совпадает по времени с прекращением притока оригинальных сведений об исседонах.

Различные сведения об исседонах, входящие, по меньшей мере, к четырем источникам, сообщают: Алкман (вторая половина VII в. до н. э.); поэма «Аримаспея», приписываемая Аристею (конец VII — начало VI в. до н. э., а может быть, и начало VII в. до н. э.); Гекатей (конец VI — начало V в. до н. э.); Геродот (середина V в. до н. э.); Дамаст (видимо, середина или вторая половина V в. до н. э.); Ктесий Книдский (вторая половина V — начало IV в. до н. э.). Затем, от начала IV в. до н. э. до начала I в. н. э. включительно, ни один автор не сообщает оригинальных сведений об исседонах, да и повторение старых как будто не имеет места⁷⁸. Любопытно, что Симмий Родосский, писавший на рубеже IV—III вв. до н. э., называет рядом с гиперборейцами не аримаспов и исседонов, как было принято в VII—V вв. до н. э., а массагетов (SC, I, стр. 391). Случайно ли это нарушение обычной для VII—V вв. до н. э. последовательности северных народов или оно отражает какие-то изменения в северной этнокарте — сказать трудно. И с того времени, когда прекращаются

сведения об исседонах, живущих за Волгой в приуральских и приаральских степях, появляются первые сведения о сирматах-сарматах, живущих в степях Подонья и Приазовья. Данные о них сообщают: Евдокс Книдский (ок. второй четверти IV в. до н. э.); Псевдо-Скилак (вторая половина IV в. до н. э.); источники Псевдо-Скимна (вероятно, вторая половина IV — начало III в. до н. э.); Гераклид Понтийский (конец IV в. до н. э.); Теофраст (конец IV — начало III в. до н. э.); Каллимах и Антигон Каристский (III в. до н. э.); легенда об Амаге (видимо, середина и вторая половина III в. до н. э.); Полибий (в связи с событиями начала II в. до н. э.) и т. д.

Связано ли исчезновение исседонов со страниц источников с появлением первых сведений о сирматах-сарматах или нет — сказать сейчас невозможно, но не отметить этот интересный факт нельзя.

Итак, в результате исследования письменных источников и сопоставления их с некоторыми археологическими данными, мы приходим к выводу, что сокрушительный удар, описанный Диодором, сарматы нанесли скифам в конце IV — начале III в. до н. э., а не во II в. до н. э., как принято считать⁷⁹. При этом мы не отрицаем, что во II в. до н. э. в истории причерноморской степи и лесостепи происходят важные изменения, связанные с появлением роксоланов. Однако свидетельство Диодора никак нельзя отнести к событиям II в. до н. э. во-первых, потому, что роксоланы выступают в источниках не как враги, а как союзники скифов, а во-вторых, потому, что, вопреки распространенному мнению, письменные свидетельства, и более ранние и более поздние, чем свидетельство Диодора, не причисляют роксоланов к сарматам (или савроматам), а, наоборот, отчетливо противопоставляют их друг другу. Однако весь круг вопросов, связанный с появлением роксоланов, должен быть рассмотрен в отдельной работе.

⁷⁸ Сведения об исседонах, вновь появляющиеся в трудах авторов середины I—II вв. н. э., прямого отношения к теме настоящей статьи не имеют и будут рассмотрены в отдельной работе.

⁷⁹ Уже после написания настоящей работы автор узнал, что к подобным же выводам пришел, но другим путем, А. Н. Щеглов. (А. Н. Щеглов. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, стр. 335—336, карта III на стр. 336).